

A romantic couple is shown in a close embrace outdoors. The woman, with long brown hair and a black headband, is leaning over the man, smiling warmly. The man, with a beard and short hair, is looking up at her with a joyful expression. They are surrounded by autumn foliage, creating a warm and intimate atmosphere.

ЛЕНА СОКОЛ

В твоих
шагах

Любовный детектив/триллер

Лена Сокол

В тишине твоих шагов

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сокол Л.

В тишине твоих шагов / Л. Сокол — «Автор»,
2017 — (Любовный детектив/триллер)

ISBN 978-5-17-104110-6

Ей далеко до романтической дурочки. Проблем в жизни и так хватает. Саша живет скучной серой жизнью и совсем не готова к новым отношениям. Но у судьбы свое мнение на этот счет. Все начинает меняться так неожиданно, что только успевай записывать: исчезновение брата, загадочное убийство, поиски правды. А еще и любовь, настоящая, которая случается один раз в жизни. И когда она приходит, её нельзя ни с чем перепутать.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104110-6

© Сокол Л., 2017
© Автор, 2017

Содержание

1	6
2	10
3	14
4	18
5	22
6	31
7	34
8	41
9	47
10	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Елена Сокол

В тишине твоих шагов

© Лена Сокол, текст

© ООО «Издательство АСТ»

1

Вот как вы представляете себе свою жизнь? Наверняка это график, в котором сплошные скачки – взлёты и падения. А когда я себе представляю свою, то вижу дорогу, по которой медленно катишься вниз. Карабкаешься, пытаешься цепляться за сухие ветки, но непременно падаешь в пропасть. И с каждым годом всё хуже и хуже.

Вспоминаю своё детство. Легкое, беззаботное. И даже вечные ссоры родителей не могли отнять ощущения счастья, которое дарили веселые забеги наперегонки с соседскими ребятами, полеты на скрипучих качелях во дворе старой хрущевки и стакан теплого молока, поданный в садике на полдник. Позже следовала насыщенная событиями, бесшабашная юность, взросление, приносящее одни разочарования, и вот уж скоро тридцатилетие... Та-дам! Это похоронный марш моей молодости, приговор. Вот сижу и думаю: ну, как же так получилось? Ведь всё же было в моих руках. А когда говорят, что многое ещё можно исправить, становится тошно.

В школе я была девочкой активной, училась хорошо, порой даже отлично. Мальчишки вокруг меня так и вились, ни дня я не была одинокой. Рядом всегда были подруги, с ними я была неразлучна с первого класса. И всё шло как надо. Самые лучшие платья, самые красивые причёски, первые места на олимпиадах, лучшие парни – всё доставалось мне. Я кружилась в этом вихре улыбок и рукопожатий, не задумываясь о завтрашнем дне, пока не прозвенел звонок. Последний школьный. Всё, что происходило дальше, отрезвляло или больно било по лицу.

Кто-то из ребят хотел быть доктором, кто-то твёрдо знал, что будет инженером-строителем, бухгалтером, журналистом, единицы подались в бизнес. А я, так и не приходя в сознание, поступила на экономический факультет. Зачем? Так, за компанию.

Финансовый менеджер. А как звучит-то красиво!

Бред. Полнейшая чушь, особенно для того, кто еле ладил с математикой в школе и обожал русский язык.

В университете друзей у меня стало ещё больше. Днём я спала на парах, вечера и ночи проводила в полузабытьи, отрываясь в клубах. Мужчин вокруг меня меньше не становилось, но сбегали они от меня быстрее, чем прежде. Всё из-за моего непреодолимого желания сосредотачиваться на одном человеке, пока он не задохнётся от вездесущего внимания. Тогда я винула во всём книги. Ведь в каждой из них описывалась любовь людей, которые дышат друг другом. И я искала такую. Мне хотелось круглые сутки быть рядом с любимым, чтобы он смотрел в мои глаза, возделел, носил на руках, задаривал подарками. Но туман напрасных надежд неумолимо рассеивался с каждым годом. Мужчины уходили, оставляя меня растоптанной и одинокой.

Поработав пару лет экономистом, я заработала нервный тик и частые мигрени. Всё меньше мне хотелось отвечать на пресловутый вопрос «как дела?», так как работа не приносила мне ни удовлетворения, ни выдающихся доходов. Только скука и разочарование. Вечерами я занималась самоедством и поисками новой работы. Нашла. Поработала год и поняла, что насилюю себя. Прошла тест на профориентацию, тот выдал мне список профессий, которые бы мне подошли: чтоб мне провалиться, если это не экономист, только названный по-другому! Казалось, что это замкнутый круг.

Уволилась в никуда. Сидела полгода дома, изучала разные сайты, пытаюсь понять, что в этой жизни умею делать лучше других. Поняла. Ничего.

В то время как мои одноклассники и однокурсники развивались в том направлении, в котором были одарены, я умела всё понемногу, не лучше других, но к чему-то конкретному не тянулась. Как же больно было в первый раз в жизни осознавать себя неудачником! Ощущать страх и неуверенность заняться чем-то новым. Так я потихоньку закрывалась от людей. Чтобы

не видели, не спрашивали, как живу, не ставили в неловкое положение. Хвастаться-то мне было нечем.

Тогда мне было уже двадцать шесть, и ни годом меньше. Чёрт меня дёрнул сходить на встречу с одноклассниками! Этот день стал днём моего безудержного самобичевания. Меня словно в ледяной душ окунули. Дорогие шубы, кольца, дурманящий запах духов, исходивший от моих бывших подруг, вернули меня в реальность, где я была никем. Они наперебой хвастались своими мужьями, домами, детьми и покупками, рассказывали о поездках в сказочные страны, совали мне под нос глянцевые фотографии с курортов. Я задавала им десятки новых и новых вопросов, опасаясь того, что их внимание переключится на меня, и девчонки с новой силой принимались пересказывать мне истории своего успеха. Большинство наших парней оказались уже богатыми и женатыми, что не мешало им подмигивать, чокаясь со мной шампанским.

А я... Я словно застыла, как серая мышь на чужом празднике жизни. Мне хотелось, чтобы унижение быстрее закончилось: схватив старое пальто, бесшумно выскочила за дверь и выбежала на улицу.

Возле школы были рядком припаркованы новенькие внедорожники и седаны. Пушистые снежинки, тихо падая, покрывали их белоснежным одеялом.

По моей щеке покатилась слеза.

И когда же мир успел так измениться? Вроде только вчера мы все были равны, только вчера ничто не мешало нашей дружбе. А сегодня между нами целая пропасть.

Я не должна была сбегать, но что мне сказать этим хорошо одетым людям в дорожных костюмах?

– Да, да всё плохо. Живу в съёмной квартире, ни ребят, ни котят. Мужчины самого завшишело и того нет. Работа? Ах, работа... Не люблю я свою работу, прямо-таки ненавижу, потому и избавилась от неё. А новую не нашла, нет. Ищу? А, да, ищу. Не могу найти. Да, я бедняжка...

А что мне оставалось делать? Хорошую мину при плохой игре?! Или врать напропалую? Ну, уж нет, лучше спрячусь от неприятностей. И я побрела до метро. С того дня дала себе слово не появляться на подобных мероприятиях впредь.

Ещё через месяц, пытаясь изменить свою жизнь, я записалась на курсы кадровиков. Закончив их, устроилась в небольшую строительную фирму недалеко от дома. Стабильная зарплата, правда, не выше той, что была раньше, отдельный кабинет, да и добираться не так далеко, как прежде. Отличный способ закрыться в собственном мирке. Сказать, что я полюбила свою новую должность? Значит, сказать чушь. Ведь от работы экономиста она отличалась мало: те же бумажки, программы, таблицы, сроки и графики, – скукота собачья. Только больше общения с людьми, да и то, что каждый сотрудник в офисе мнит себя твоим непосредственным начальником. Короче, я попала в то же болото и не знала, как выбраться из него, и вроде самое время действовать, да некогда – в моей жизни появился Миша.

Миша... Желание завести семью и стать «нормальным» (по представлению общества) человеком заставило меня согласиться на свидание с ним. Тогда я как раз устроилась менеджером по кадрам в «СтройТех», а первым моим заданием на этом посту было оформить увольнение молодого электрика, который втыкал бычки от сигарет в оконную раму старинного особняка, где шла реставрация. Из-за этих бычков чуть не случился пожар на объекте, директора трясло как в лихорадке, казалось, вот-вот случился инфаркт. У парня был не первый выговор, мне пришлось напечатать приказ об увольнении, сделать соответствующую запись в трудовую книжку и оформить всё как полагается. Хорошо помню тот день, когда Миша сидел передо мной, смотрел прямо в глаза и улыбался лишь уголками губ, а Фёдор Борисович ходил вокруг него, гневно размахивая руками, и что-то орал. У него аж пена шла изо рта, а я готова была вжаться в стул.

Миша просто сидел и смотрел на меня своими карими глазами. Казалось, он ничего не слышит, только наблюдает за мной. Он был одет в спецовку с названием фирмы, ворот его куртки был поднят. Выглядел молодой электрик довольно нагло, да и расслабленная поза, в которой он восседал, явно не говорила об уважении к начальству. Мне показалось, что такой мужчина может защитить и за ним – как за каменной стеной. Он медленно провёл рукой по своим светлым волосам, так же, не отрывая от меня глаз, расписался в документах, встал, взял трудовую книжку, ответил что-то дерзкое Борисычу и вышел. Борисыч онемел.

Вечером Миша дождался, когда я выйду из офиса, и встал на моём пути: высокий, роскошно пахнущий и прилично одетый. И уже через пять минут он провожал меня домой, мы шли по улицам города, смеялись. Он мне рассказывал, что к чему в компании, куда я устроилась кадровиком. В тот день мне показалось, что я в него влюбилась. И мы начали встречаться.

Миша жил у родителей, но частенько оставался ночевать у меня. Зарабатывал он больше, чем я, хотя не работал постоянно, а просто время от времени колымил. Есть такое слово, прикиньте.

На меня он тратился мало, все деньги уходили на друзей. Первый год мы привыкали друг к другу, он мне нужен был как воздух, а я ему, только когда он нагуляется. Помню, ждала его допоздна, Миша приходил, кушал, мы занимались бурным сексом, потом засыпали. Потом он всё больше времени стал проводить у меня, видимо, моё нытьё сказало, и всё реже встречался с друзьями. Я была довольна, ведь и остатки моих друзей он выдворил из нашей жизни своим приходом.

Ещё через полгода Миша переехал ко мне, и наша жизнь стала напоминать семейную. Он всё меньше работал и всё больше привязывался к дивану, а я стала ночами смотреть телевизор, чтобы не заниматься с ним сексом. Смотрела внимательно, сидя на краешке дивана, чтобы у него не возникло даже мимолётного желания протянуть ко мне руки. А когда он засыпал, я подходила к окну и думала. Думала о том, что всё как-то не так. И что не хочу его в сексуальном плане, он больше меня не возбуждает. Нам есть о чём поговорить, нам совершенно не скучно вместе, но я его не хочу. И жизни такой не хочу! Ведь всё ещё помню те книги, где любовь, как в сказке, где есть мужчины, которые тебя боготворят. За то, что ты просто Женщина, ты несёшь мир, любовь и даёшь жизнь. Я мечтала о том, чтобы собрать чемоданы и убежать, уехать в другой город или страну, но утром он меня крепко обнимал, целовал, и я не находила в себе сил так поступить.

И вот теперь я одна. Сажу в квартире. Радуюсь, что он, наконец, ушёл. И мне даже обидно, что он ушёл так просто, без боя, без выяснения отношений. Значит, не любил, не дорожил, не боялся потерять. Так вроде сама этого и хотела? Хотела. И мне хорошо.

Сажу одна, смотрю в окно, и никуда не хочется выходить. Одиночество – прекрасный повод почувствовать себя свободным и молодым, это всего лишь передышка. Не нужно планировать свой день, исходя из пожеланий кого-то ещё, в любое время можно собраться и куда-нибудь поехать или остаться дома и смотреть телевизор, разбрасывать вещи, петь песни. Не нужно быть счастливой каждый день и кому-то натянуто улыбаться, не нужно готовить по три раза в день, можно пить маргариту и пренебрегать физкультурой. Это всё, чего я так долго хотела. Хотя в нынешнем положении я уже ничего не хочу и ни к чему не стремлюсь. И, по-моему, у меня апатия ко всему. Даже появление нового ухажера, Егора, уже особо не вдохновляет.

Раздался настойчивый звонок в дверь.

Конечно... как я могла забыть, что живу в сумасшедшем доме! Придётся открывать. Я нехотя встала.

Люди меня любят. Это я не люблю людей. Скорее даже не слишком нуждаюсь в общении. Но ведь им этого не объяснишь. Как только пытаешься намекнуть человеку, что ты интроверт, он сразу думает, что ты его выгоняешь или посылаешь подальше. Может быть, это жизнь меня

такой сделала? Ведь раньше я нормально, почти круглосуточно, со всеми общалась, а теперь нуждаюсь в тишине, одиночестве, в отдыхе подальше ото всех.

Я спокойный, вдумчивый, уравновешенный человек. У меня просто такой подход к жизни. Да, в большой компании я могу искромётно шутить, говорить без умолку, танцевать, но свою энергию черпаю внутри, наедине с самой собой.

Что-нибудь поняли?

Вот, и никто не понимает. И в этом доме никто не может примириться с моими особенностями, все донимают меня своим общением, навязываются, пристают. И похоже, что с уходом Миши ситуация только усугубится.

Я не спеша оторвала с кофты пару катышков, надела тапочки и открыла дверь.

2

Я ведь уже успела сообщить, что живу в сумасшедшем доме? Так вот. Объясняю, почему именно там.

Вообще-то, это обычная девятиэтажка, ничем не примечательная с виду. Вечно ломающийся лифт, в котором подростки периодически справляют нужду, обшарпанные стены, окурки на подоконниках, – имеется всё. Все прелести городской застройки экономкласса для жителей соответствующего уровня доходов.

После серьёзного конфликта с отцом мой брат Сеня предложил мне переехать в съёмную квартиру, которую освободили прежние жильцы, его соседи по подъезду. Свой двадцать пятый день рождения я справила в новой обстановке, состоящей из просторной комнаты, старого покосившегося шкафа и двух стульев. На кухне моей чудесной квартиры не было даже гарнитура, в углу лишь стояла одинокая железная раковина советских времен с облупившейся эмалью. Старые окна были щедро облеплены десятью слоями пожелтевшей бумаги, которая жалобно колыхалась от февральского ветра, врывающегося в комнату сквозь толстенные щели между рамами. За это благополучие я предусмотрительно заплатила на год вперёд по совету того же любимого брата, так что деваться мне было некуда.

В этот же вечер брат притащил ко мне знакомиться половину подъезда. Эта разношёрстная компания весь вечер угощала меня шампанским, они же помогли мне прибраться, откуда-то притащили тот самый диван (который потом три года продавливал Миша), стол-книжку и голубые расшитые занавески. Так я и попала в дурдом.

Следующий год моя жизнь протекала как в сериале «Друзья». Только мне не было так же весело. С утра добрые соседи могли вломиться, чтобы попить со мной кофе, вечером – чтобы угоститься ужином, ночью – чтобы пожелать добрых снов. Они дружно в меня влюбились и ходили поклоняться мне каждый день, пока не появился Миша и не разогнал их поганой метлой. Звучит грубовато, но мой мужчина тоже паинькой не был. После его появления в моей жизни соседи ломались только тогда, когда знали, что он точно будет отсутствовать. И за пять минут до Мишиного возвращения они спешили меня покинуть: никому не нравилось улыбаться, слыша в ответ его бурчание.

Так вот, соседи... Что же о них рассказать?

Они, безусловно, – одна большая семья. Каста. Двери квартир в нашем подъезде не закрываются, чтобы каждый желающий мог, когда ему наскучит сидеть дома, толкнуть плечом дверь соседа и вломиться без спросу. И, как это ни странно, ему будут рады. Мне повезло меньше всех: я поселилась на первом этаже. Почему это так плохо? Потому что почти каждый сосед, спускающийся со своего пятого-седьмого-десятого этажа по пять раз в день, считает своим долгом сунуть нос в моё жилище. К концу первого месяца проживания я поняла, что живу на проходном дворе.

Но обо всём по порядку.

Так сказать, о главных действующих лицах. В соседней со мной квартире живёт Катя. Ей двадцать восемь, она работает в книжном магазине. Каждый день, около двенадцати, я спускаюсь к ней из своего офиса, мы обедаем, пьем чай, болтаем или просто молчим за чтением книг.

Она бы устроилась библиотекарем, но продавцу больше платят, и главное, рядом книги. «Мои богатства», – как говорит Катя, делая обход каждый час. Переставляет их с полки на полку, меняет местами Бродского с Маяковским, Радзинского с Сенкевичем, колдует и творит. Никогда не советует брать красочные и дорогие «книги-пустышки», даже в убыток себе, и всегда знает, кому предложить книгу, способную поделить его жизнь на До и После. У Кати для

каждого существует свой «особый» экземпляр, после прочтения которого человек не сможет быть прежним. Люди возвращаются, чтобы поблагодарить ее, и снова просят совета в выборе.

Я долго брожу вдоль полок с книгами, выбираю что-нибудь стоящее среди романов, в итоге все равно хватаю очередной детектив – они не так ранят одинокое женское сердце. Я ж не мазохист. А возле Кати, на столе, к моему приходу всегда лежит очередная толстенная кулинарная книга, из которой она что-то выписывает, потом делает заметки в блокноте, составляет списки продуктов для приготовления нескучного ужина. Готовится человек к семейной жизни, набивает руку.

Катя – девушка неплохая, но в последнее время слегка заикленная на поисках спутника жизни. Именно она сначала познакомилась со всеми соседями по подъезду, а потом переехала к ним. Роковая ошибка. Нет, ей, безусловно, хорошо. Теперь все жильцы как тараканы могут стекаться ко мне в квартиру! И покидают ее, когда им заблагорассудится. Они хорошие люди, не спорю. Но, черт возьми, я не успеваю от них отдыхать.

В Кате метр семьдесят роста и семьдесят пять килограмм веса, девочка она не столько полная, сколько крепкая, плотненькая и упитанная. Фигура – шикарная, всё при ней. Если в ней и есть недостатки, то она их не замечает, потому и мужчины вокруг них тоже в упор не видят.

Лицо у Катки на зависть красивое: правильные черты лица, яркие большие глаза и сочные губы, а ещё волосы – длинные, чёрные и всегда стянутые в высокий аккуратный хвост. Она одинока, поэтому может себе позволить тратить все деньги на дизайнерские шмотки, спалсоны, мягкие ковры или дорогую бытовую технику. Но предпочитает этого не делать, потому что у нее есть ритуал: раз в неделю посещать дорогой ресторан, пробовать новые блюда, хорошее вино и сыр с плесенью. Там она черпает энергию и вдохновляется для будущих кулинарных экспериментов.

Катя – определенно хорошая хозяйка, добрый друг и интересный собеседник. Именно к ней все соседи собираются на вечеринки по большим праздникам. Но только, пожалуй, я знаю, что все эти мероприятия затеваются для того, чтобы Катя могла в сотый раз попытаться очаровать красавца-соседа, живущего на нашей площадке. Его зовут Арсений. И он мой старший брат.

Арсению тридцать семь, и Катерину он в упор не замечает. Может быть, потому что Сенька вконец измотан делами, проблемами с бывшей женой и воспитанием их общей дочери Ксюши. Он много трудится, чтобы обеспечить дочь всем необходимым, пытаясь при этом уделить ей достаточно времени.

Ему был всего двадцать один год, когда он повстречал Ольгу, мать Ксении. Роковая красотка: высокая блондинка с томным взглядом и дерзким характером. Она любила роскошь, без стеснения требовала дорогих подарков и отдыха в жарких странах. Сеня влюбился без памяти, ухаживал, ходил за ней по пятам, а Оля смеялась, дразнила, гуляла с другими мужчинами, наблюдая за его реакцией. Брат не ревновал, воспринимая всё это как вызов, считал, что так она подталкивает его к серьезным отношениям и ответственности.

Он работал в две смены, чтобы баловать ее новыми нарядами. Думается, что потом эти новые наряды слетали с Олиных плеч на пол во время жарких свиданий с другими мужчинами. О её похождениях не болтал только ленивый. Но Сеня упрямо никому не верил.

Ей нравилось держать его в постоянном напряжении, дёргать за ниточки, наблюдать. Нравилось то слепое обожание, с которым Арсений потакал всем её капризам. Она всё ждала, когда сможет найти подходящий вариант, чтобы срулить и жить обеспеченно. Но спонсоры не спешили брать ее под свое крыло.

А когда Ольга забеременела и родители настояли на свадьбе, весь её гнев за то, что лёгкая жизнь, полная флирта, окончилась, обрушился на моего брата. Она постоянно была недовольна, кричала, била посуду, требовала внимания и денег.

Когда родилась Ксюша, всё стало только хуже: брат сам гулял с ней, купал, сам вставал ночами, сам водил в детский сад, стирал, варил супы и каши. Ольга училась, вела бурную студенческую жизнь, мало появлялась дома – ребёнок стал для неё обузой, а мужа она и вовсе не замечала.

Когда дочери исполнилось пять, они уже практически не общались, находясь в одной квартире, могли не встречаться неделями, а ещё через год развелись. Суд определил, что с согласия матери дочь останется жить с отцом. Это был первый раз, когда я видела Олю счастливой – она, наконец, паковала чемоданы, предвкушая, как избавится от ненавистной обузы. Паковала и напевала себе под нос. На прощание она выдала тираду о том, что муж и дочь всегда мешали ей жить, развиваться, делать карьеру, дышать полной грудью. Потом в один прекрасный день в отсутствие бывшего мужа вывезла всю мебель и технику. Брат пожал плечами, сменил замки и продолжил жить дальше. За время, проведённое в браке, он перестал доверять людям и привык к состоянию постоянного стресса, серьёзных отношений больше не заводил, даже не пытался, и с женщиной никто его последние лет пять не видел.

Когда я переехала поближе к брату, старалась помочь ему во всём: готовила ужины, помогала Ксюше делать уроки, читала ей книги вслух, водила гулять, одевала, – старалась никого из них не обделить вниманием. Но всё же заменить племяннице маму я бы не смогла, да и общается она со мной скорее как с подружкой. Сейчас ей пятнадцать, самый трудный возраст, когда подростка нужно контролировать во всём, больше общаться, а её мамаша только и знает, что доводить семью бывшего мужа своими нападка.

Про наш этаж у меня всё.

А надо мной живёт мужик лет пятидесяти, пропитый насквозь алкоголик. У него длинные рыжие волосы и противный зычный голос. Грудь его вечно обвешана какими-то цепями, а на волосах мирно ютятся хлебные крошки. Его зовут Герман Петрович, но за глаза мы называем его Домовой. Уж больно похож.

Раз в месяц он собирается помыться и постираться. Я узнаю об этом, когда у меня с потолка начинает капать, а потом и струиться вода, оставляя за собой жёлтые разводы на стенах. Тогда я обычно поднимаюсь на его этаж, минут пятнадцать извожу своим стуком. Потом приходится отчаянно пинать ногой в дверь и орать. Он неизменно предстаёт передо мной, обёрнутый полотенцем.

Далее мы отчаянно ругаемся, пытаюсь перекричать друг друга, на крики сбегаются соседи и разнимают нас. Всем жаль Домового, ведь он ужасно одинок. У него даже собутыльников не бывает. Место работы и род деятельности Германа Петровича никто не знает, так же как и его возраст.

Кто-то из жильцов приносит ему водочки, потом помогают прибрать последствия потопы. Брат тащит меня домой, уговаривает не ругаться. Я соглашаюсь. До следующего инцидента.

Ещё мы с Катей любим ходить в гости к ребятам на восьмой этаж. Их зовут Кирилл и Даниил, они юристы и геи. У них в квартире всегда уютно, чисто и пахнет ароматическими свечами. В день знакомства, когда мне сообщили, что они являются парой, я старалась не выказывать своё удивление, лишь изредка поглядывала на них, но перед глазами тут же возникала яркая картинка, в которой я представляла, как же они занимаются сексом друг с другом. Она и сейчас у меня частенько возникает, не могу выбросить это из головы, стоит им только посмотреть друг на друга или ласково соприкоснуться плечами. Я отвожу взгляд и заставляю себя думать, что они только спят в обнимку. Как будто, если не думать о том, что они делают друг с другом наедине, мир останется таким же ванильно-розовым и невинным.

Дружить с геями можно и, наверное, даже нужно. Их, скажем так, «индивидуальные особенности» не влияют на их человеческие качества, они тонко чувствуют, понимают ранимую женскую душу, делают комплименты. Но, пожалуй, я бы предпочла, чтобы они не выпячивали

свою ориентацию при детях и подростках. И вообще, при всех, чья психика еще не устоялась. В этом вопросе я немножко консервативна.

Самое главное, не думать о них как о мужчинах или, не дай бог, влюбиться. Потому что мужчина, предпочитающий мужчин, никогда не вернется в строй гетеросексуалов. Или, как говорит Катька: «Если женщина хочет мужчин и женщин – она бисексуал, а если мужчина хочет мужчину – он гей, как бы ни противился своей природе. Мужчин бисексуалов не бывает». Пожалуй, я с ней соглашусь.

А на шестом этаже живёт Наташка, она воспитательница в детском саду. Наташка спит с Игорем с седьмого этажа, а у Игоря жена и дети. Зато он ездит на хорошем внедорожнике одной немецкой фирмы и одевается в бутиках, на витринах которых красуются красивые итальянские фамилии. Так что его на всех хватает, этого Игоря. Но мне не надо, спасибо.

А на втором этаже живёт Олег, молодой, подающий надежды писатель, по чьим сценариям уже сняли два фильма, который любит Наташку, ту, которая спит с Игорем, ту, которая его не замечает, в доме, который построил Джек. Короче, можно рассказывать бесконечно, но у нас тут, знаете ли, полнейший дурдом местного масштаба. В нашем подъезде, как и в любом другом, есть свои старушки – божьи одуванчики, свои одиночки, о которых никто не знает ничего, даже когда они успели переехать, свои драчуны и пьяницы, инженеры-очкарики, мамы с выводками детишек и прочие типичные обитатели девятиэтажек. А ещё здесь живу я, Саша.

– Ну что ты долбишься, как дятел?! – возмутилась я, открыв дверь.

– А не надо было закрываться! – буркнула Катька, пихнула меня плечом и прошла в комнату.

3

– Его не было всю ночь! – сообщила она и села на край дивана.

Я взглянула на часы. Было начало двенадцатого. Катя угрюмо уставилась в окно.

– Кого?

– Твоего брата, – хриплым голосом доложила она. По выражению её лица стало ясно, что никто и ничто пока не может вытеснить Сеню из ее сердца.

– Такое и раньше бывало. – Я всё еще была погружена в свои мысли. Мне уже начинала надоедать нерешительность подруги. Она не давала ему намеков на то, что он ей нравится, не предлагала отношений, даже не просила меня выяснить, как он относится к ней. – Остался у какой-нибудь девицы. А где Ксюша?

Катя встала, обошла диван и открыла окно. На столе возле окна лежали книги, мои рабочие папки и стакан с ручками. Проведя пальцем по книжному переплету, она обернулась ко мне:

– Твоя племянница дома, только что встала. Она не знает, где ее отец, он не предупреждал, что останется ночевать вне дома.

– Не похоже на него.

У меня защемило сердце. Арсений не оставлял дочь одну без предупреждения надолго. За подростками трудно уследить, каждый новый день для них – повод для бунта. В воспитании важную роль играет твердая мужская рука, вовремя сказанное веское слово, а также собственный пример. Пример хорошего отца, который не гуляет ночами где попало.

Я выглянула в окно, чтобы посмотреть на стоянку, находившуюся во дворе. Его автомобиля там не было.

«Не надо сходить с ума, – убедила я сама себя. – Брат сейчас вернется. Наверняка решил немного отвлечься и пошел выпить рюмашку коньяка с друзьями. Возможно, всё затянулось и вышло за рамки. Спит теперь у товарища, не ведая, что уже полдень».

Но подсознательно я почувствовала, что это не так. Взяв свой сотовый, набрала его номер. После небольшой паузы мне ответили.

– Да, – это был ленивый сонный голос племянницы.

– Ксень, папа вернулся?

– Нет, – в трубке слышались звуки телевизора. – Он оставил трубку дома. Если б я знала, что он не придет, не торопилась бы возвращаться домой вчера так рано.

Голос ее был скорее безразличный, чем недовольный.

– Хорошо, перезвоню позже, – ответила я и украдкой взглянула на часы. Половина двенадцатого. Про себя я молила Бога, чтобы Сеня просто вышел куда-то с утра, в магазин или на работу.

– Он уехал вечером на машине. – Катя встала и направилась на кухню.

К беспокойству примешивалась ревность, всегда опасный коктейль из чувств.

Щелкнул выключатель электрического чайника, загремели кружки на полке, по столу разлетелись ложки, несколько упало на пол. Её нервы начинали сдавать.

Услышав шум подъезжающей машины, я подалась вперед, но это был автомобиль соседа.

«Он может в любой момент вернуться, – подумала я, – нельзя терять голову. Подождем еще пару часов, потом будем что-то решать».

Катя подошла ко мне с чашкой зеленого чая и наклонилась к подоконнику. Мы увидели входящего в подъезд Кирилла, высокого интересного мужчину в безупречном костюме, с прекрасными манерами. Он был нашим приятелем неподходящей ориентации с восьмого этажа.

Кирилл жестом приветствовал нас и через секунду уже вошел в дверь без стука.

– Можно? – он уже вошел и кинул портфель на диван.

– Нет, – ответила я, повернувшись к нему лицом.

– Я знаю, что можно, – сказал Кирилл, медленно наливая кипяток в чашку. Запахло ароматным кофе. Поправив брюки, он сел.

– Тогда мог и не спрашивать, – покачала головой я.

В своем дорогом костюме он очень комично смотрелся в убогой обстановке на моем диване. Глядя на его наманикюренные ногти и эффектно уложенные волосы, мне всегда хотелось спрятаться. Кроме того, тело Кирилла было покрыто ровным загаром, подчеркивающим белоснежность зубов. За долгие годы я так и не научилась выглядеть столь же безупречно.

– Я все устроил! – довольно констатировал он. – Парень, про которого я говорил вчера, заглянет к нам на днях обсудить вопросы, связанные с его делом в суде. Мы спустимся к вам на чашечку кофе, поболтаем. Он тебе понравится.

– Нет! – решительно отрезала я и села рядом. – Киль, послушай. После того раза, когда вы знакомили меня с судьей-заикой, я решила пойти в монастырь. Было так неловко, когда он с трудом подбирал слова, запинаясь, а я все равно ничего не могла понять.

– Яровой был бы отличной партией для тебя, – возразил Кирилл, глядя в телефон, – да и для нас... В работе юриста полезные знакомства с судьями – ключевой момент.

Он набрал номер, приложил сотовый к уху и уже не слушал меня.

– Нет, – продолжила я, – мне больше не надо свиданий, знакомств. Я сыта по горло. И это как-то не по-человечески. Навязывать себя кому-то.

Он покрутил пальцем у виска.

Я отрицательно покачала головой. Бесполезно с ними спорить.

– Познакомил бы лучше меня, – фыркнула Катя и прошла на кухню.

– Не надо никого приводить в эту хибару, мне ужасно стыдно за такую обстановку и беспорядок. – Я пожала плечами, окинула комнату взглядом и задумалась. Мне уже становилось тесно в одном помещении с этой парочкой. Хотелось тишины. – Я не лезу на стену, одной быть очень даже хорошо. Дайте насладиться свободой!

– Там такой парень! Если бы ты только видела. – Кирилл многозначительно подмигнул мне.

– Он, наверное, из ваших, – саркастически проговорила я и отвернулась.

Кирилл положил телефон в портфель и вернулся к кофе. Несколько минут он смотрел на меня молча, потом едва заметно улыбнулся:

– Если бы он был из наших, я бы не думал ни секунды. Твой брат, – он мельком взглянул на Катю, – ему не ровня. И Даня тоже.

Он заговорщически огляделся по сторонам.

Упоминание брата заставило меня снова взглянуть на часы. Я положила пустую кружку на столик и встала, чтобы накинуть кофту.

– Мы можем договориться, – сказал Кирилл, допивая кофе. – Если ты через пять лет никого не встретишь, родишь нам ребенка. Не как суррогатная мать, а вполне полноценная. Будем жить вместе, растить его. Трое родителей всегда лучше, чем двое.

Я посмотрела, как Катя ходит по кухне из угла в угол, стараясь сохранять спокойствие.

– Тогда тебе придется переспать со мной, – серьезно заявила я, пытаюсь сдержать улыбку. – Да так, чтоб мне понравилось.

Кирилл порывисто вздохнул:

– Но ведь есть технологии...

По моему взгляду он понял, что я пошутила, и расслабился.

Я подошла к нему совсем близко:

– Ты, похоже, совсем сумасшедший. Моя мама до сих пор гадает, с кем из вас я встречаюсь, с Данилой или с тобой. Если я приду домой с пузом, вам просто не выкрутиться. Приедет мой отец, вытрясет из тебя душу и заставит жениться.

Его лицо осветилось доброй улыбкой:

– Да с тобой шутки плохи, детка!

Мы рассмеялись. Я закрыла глаза и откинулась на спинку дивана. Кирилл собрал свои вещи, махнул на прощание рукой и побежал к лифту.

Чувство тревоги не покидало меня ни на миг. Ждать было очень тяжело.

Катя, сидя на табуретке, разглядывала линолеум. Помедлив секунду, я принялась смешивать в тарелке ингредиенты, чтобы приготовить обед для племянницы. В комнате повисла тишина. Каждый из нас думал сейчас об одном человеке.

Неожиданно раздался стук в дверь. Подруга вздрогнула и побежала открывать. Я быстро сполоснула руки под краном, взяла полотенце и направилась посмотреть, кто пришел.

В квартиру вошли трое мужчин, двое в форме, один в штатском. В дверном проеме позади них виднелось смущенное лицо Ксюши. Катя взяла ее за руку и повела обратно в Сенину квартиру.

Когда они скрылись из виду, служители закона прошли и закрыли за собой дверь.

– Александра Беляева?

Я села, слезы подступили к моим глазам. Еле нашла силы, чтобы кивнуть.

– Майор Донских. Присядьте, пожалуйста, – тот, что был в штатском, указал мне на диван. У него была приятная внешность, черные волосы и черные глаза, упрямое выражение рта.

Он постучал пальцами по папке с документами и взглядом указал своим подчиненным, чтобы они дали мне время успокоиться. Те кивнули и отошли к окну.

– Речь пойдет о вашем брате, Арсении Беляеве. – Он помолчал секунду и продолжил: – Он куда-то уехал, и вы, вероятно, беспокоитесь о нем.

– Значит, вы в курсе, где он? Скажите мне.

Я приготовилась к самому худшему. Мужчина смотрел мне прямо в глаза.

– Мы нашли его машину, – его мягкий голос действовал на меня успокаивающе.

Я глубоко вздохнула:

– А где он сам? Его нет с вечера.

– Ваш брат в реанимации. Его машина съехала с дороги на обочину и врезалась в столб сегодня утром.

Я закрыла лицо руками и заплакала. Внутри всё сжалось.

Он взял меня за руку:

– Я понимаю ваши чувства, Александра. Врачи делают всё, что могут. Вы должны успокоиться и помочь нам.

– Мне нужно в больницу! – я резко встала, вытерла слезы и направилась к выходу.

– Подождите, – майор взял меня за плечи. Он был сосредоточен, ему хотелось довериться. – Я отвезу вас, но вы должны успокоиться. Мне нужны подробности вчерашнего дня, так как появились кое-какие обстоятельства. Ведется следствие, и вы должны нам помочь.

Завернувшись в кофту, я села обратно на диван. Мужчины о чем-то тихо переговаривались возле окна.

– Вы знаете Марию Яковлеву?

Я помедлила секунду, напрягая память, потом отрицательно покачала головой.

– Подумайте, может, вспомните.

– Нет, такого имени я не слышала.

– Дело в том, что ее нашли убитой сегодня утром у себя в квартире. Среди прочего в комнате присутствовали личные вещи вашего брата. Мы проводим расследование. Он в списке подозреваемых. Нам очень нужно знать...

– Он не мог этого сделать! – воскликнула я, озадаченно оглядев пришедших.

Майор Донских посмотрел на свои ботинки, облизнул губы и почесал висок. Мои кулаки сжались в напряжении. Хотелось закричать от бессилия.

Тут я заметила бледную Катю, появившуюся в дверном проеме. На ее лице было написано недоумение вкупе с отчаянием. Она подошла к Донских и села рядом:

– Вы должны нам поверить. Он не мог. Никогда и ни при каких обстоятельствах, слышите?! Мы его знаем очень хорошо.

Я чувствовала, как тошнота подходит к горлу. Кружилась голова.

Майор кивнул, глядя на нас, но в его глазах было слишком много недоверия, чтобы этого не заметить.

4

Сколько себя помню, мы неплохо ладили с отцом. Он занимал хороший пост в руководстве небольшой компании. Я могла обратиться к нему с любой проблемой и точно знала, что он ее решит. Мы были хорошей семьей, проводили выходные вместе: на природе, в поездках, путешествиях. Арсений был предметом особой гордости отца. Он откладывал все дела, чтобы посетить его выступления на соревнованиях по дзюдо. Собирал грамоты, кубки, сделал для них отдельный стеллаж, с гордостью показывал своим гостям. Брат делился с ним своими успехами и неудачами, они часами могли обсуждать стратегии и тактики будущих битв, тренироваться и мечтать.

Пока однажды отец не запил из-за проблем с бизнесом.

Оставаясь с ночевкой на работе, он пил почти до самого утра, а с началом рабочего дня бодрился при помощи новой рюмашки чего-нибудь горячительного. Возвращаясь домой, срывал накопившуюся злость и усталость на матери. Перед глазами до сих пор стоят его ненавидящий взгляд и ледяные руки, которыми он хватал нас, тащил и запирали в комнате.

Я сидела на полу, обхватив колени руками, и слышала рыдания матери. Слышно было, как разлеталась посуда, за ней мебель. Потом можно было различить звуки волочения и резкие вскрики мамы. Глухие удары чередовались с хрипами и мольбами о пощаде.

Сеня каждый раз метался по комнате. Припадая к двери, он выл как загнанный зверь, умоляя отца прекратить. Остервенело бил кулаком в стену. Обессиленный, он закрывал уши своими хрупкими детскими ладошками или размазывал слезы по лицу.

За дверью еще долго не смолкало: мама всегда сначала что-то тихо шептала, оправдываясь, уговаривала пожалеть детей, но вскоре звуки новых ударов заглушали ее слабые стоны.

Сеня гладил меня по волосам, прижимал к себе и твердил, что всё будет хорошо. Потом братом вновь овладевал гнев, он кидался с разбегу на дверь, но попытки выбить ее никогда не приводили к успеху. Да и что мог сделать одиннадцатилетний мальчишка против куска добротной древесины? Он потирал ушибленное плечо, стиснув зубы, и снова плакал.

Я сидела молча: ужас лишал меня голоса. Когда всё стихало, мы слышали, как скрипят половицы, приближаются тяжелые шаги, а потом чья-то рука шарит по двери. Брат мокрыми от страха руками хватал меня, сажал в шкаф и накрывал покрывалом. Я делала в покрывале дырочку, чтобы можно было дышать и видеть. Наклонившись вперед, пристально смотрела на дверь.

Сеня замирал, напряженно вслушиваясь в доносившиеся звуки. Он знал, какая участь его ждет.

Дверь неизменно распахивалась от тяжелого удара ногой. Отец с перекошенным от гнева лицом нависал над братом и, грубо ругаясь, обхватывал его шею рукой. Рванув вверх, он резко отпускал свои железные пальцы, наслаждаясь увиденным. Я вздрагивала от ужаса, видя, как Сеня падает вниз и сильно ударяется головой о пол. Он слабо стонал, чувствуя, что мышцы больше не повинуются ему. Его глаза замирали, полные боли и отчаяния, когда сверху на его лицо обрушивались новые удары.

Втянув голову в плечи, словно охраняя ее от удара, я куталась в одеяло и старалась не дышать. Мне казалось, что если посильнее зажмуриться, то сейчас всё пройдет. Вот сейчас. Обязательно. Еще немного.

Я вылезала из укрытия, только когда в доме всё стихало.

Маме не пришлось собирать вещи и убегать с детьми из дома. В один из таких приступов бешенства он проломил ей череп. Вызвав «Скорую», он рыдал над ее телом не в силах простить себя за такую жестокость.

Его осудили, и на несколько лет он ушел из нашей жизни. Мама восстанавливалась почти два года, снова училась ходить и говорить. Арсений быстро повзрослел, забросил занятия спортом, помогал бабушке ухаживать за ней и растить меня. Отец писал письма, полные раскаяния, мама выбрасывала их, не читая. Она винила себя за то, что сразу не защитила нас, за то, что долго терпела и верила в его исправление.

Освободившись, отец поселился в одном из общежитий на окраине города. Вел себя тихо, устроился на работу, водил автомобиль. Так же писал письма маме, мне, брату, искал встреч, предлагал помощь. Но мы старательно избегали этого.

Однажды он пришел к нам поговорить, но все закончилось скандалом. Мы продали квартиру и уехали из того района. Маме с бабушкой купили двухкомнатную квартиру, Арсений взял себе однушку. Я стала снимать жилье у него под боком. В целом нам жилось неплохо.

Достав из кармана ситцевый платок, мама промокнула им лоб. Часы на стене показывали 10 утра. Она сидела на стуле возле окна и смотрела на небо. Рядом на тумбочке стоял стакан с водой. В помещении было светло и тихо.

Я погладила брата по волосам. Светлые пряди выглядывали из складок бинтовой повязки, играя на солнышке золотыми бликами. Его сон казался таким безмятежным, расслабленные руки спокойными и сильными. Дыхание по-прежнему было ровным. Поправив край одеяла, я встала и взглянула на показания приборов. Всё по-прежнему. Без изменений. Надемся и ждем.

– Устала? – сказала Катя, беря мою руку в свою.

– Не слышала, как ты вошла, – тихо проговорила я. – Всё нормально. Немного болит спина, но сегодня я хотя бы немножко поспала.

– Доброе утро. – Подруга достала из пакета лекарства и положила на тумбочку. – Всё обязательно будет хорошо, – успокаивающе сказала она маме, – не нужно волноваться. Выпейте, я принесла успокоительное. Позже отвезу вас домой помыться и переодеться.

– Как там Ксюша? – спросила я, собирая вещи.

– Ушла в школу. – Катя поправила халат и села на край кровати. – Я фильтрую информацию, но она уже совсем взрослая и всё понимает. Лучше б ты вернулась домой, ей нужна твоя поддержка.

Повесив на плечо сумку, я поцеловала брата в щеку. Меня волновала судьба племянницы, серьезного разговора было не избежать, да и сидеть вот так, сложа руки, в больнице я больше не могла. Время шло, все ждали, когда Сеня очнется и расставит всё по своим местам. Но проходил день за днем, и тишина сменялась отчаянием. Допросы, обыски, душевные беседы.

В следственном комитете, раз за разом, повторяя одни и те же наводящие вопросы, пытались вытянуть из меня то, что им хотелось услышать.

– Я еду домой. Нужно начинать действовать, делать хоть что-то. – Мои пальцы нервно перебирали волосы, пытаюсь собрать их в хвостик. Я заметила Катин тоскливый взгляд, брошенный на брата. – Мы уже третий день сидим здесь в неведении. Пора уже подумать, что мы можем сделать для Арсения. Какой толк в том, что он проснется и узнает, что на него хотят надеть наручники?

Поправив под больничным халатом мятые джинсы, я махнула на прощание рукой Кате с мамой и вышла. Пот ручейками сбегал по спине, неприятно щипая под водолазкой. Усталости не было, но нестерпимо хотелось принять душ.

Набрав номер, я глубоко вздохнула. Не прошло и минуты, как послышался голос отца.

– Саш?

– Отец? Мне нужна помощь... Арсений разбился.

– Он жив? – Голос отца звучал спокойно.

– Он в коме. Прогнозов пока не дают. – Мой голос дрогнул. – Его обвиняют в убийстве...

- Ты говорила с полицией?
- Да. Они нашли его вещи у какой-то девушки. Я первый раз слышу о ней.
- Мне нужны подробности.
- Нам ничего не сообщают, поэтому я и звоню тебе. Мне даже неизвестно положение вещей в данный момент.
- Кто ведет дело?
- Его хладнокровие действовало на меня успокаивающе.
- Донских. Я уже устала от его ежедневных расспросов.
- Ясно. Адвоката нашла?
- Есть на примете. Я не понимаю, мы в подозреваемых или уже в обвиняемых. Нужно делать запрос, чтобы нас хоть как-то посветили в детали дела. Полнейший информационный вакуум. Ты можешь чем-то помочь? – с надеждой спросила я.
- Я сейчас отправлю тебе координаты моего знакомого. Сходишь к нему, он знает, чем помочь.
- Отец, ты не представляешь...
- Саша, сделай то, что я говорю, нельзя терять ни минуты.
- Спасибо, папа, – ответила я и повесила трубку.
- Постояв немного в коридоре, я направилась к выходу.

С крыльца больницы открывался весьма неплохой вид на город. Окна торговых центров, переливающиеся на солнце, разноцветные палатки, яркие киоски, высокие деревья. Широкая дорога, уходящая вдаль.

Я посмотрела вниз, на окрестности, где длинный больничный двор заканчивался коваными воротами. За ними, в тени старых массивных дубов, стоял знакомый мне автомобиль. У меня привычно сжалось сердце.

Усталым взглядом я обвела территорию двора: повсюду сидели на скамейках люди, больные и посетители, общались, обменивались прикосновениями или словами поддержки. Пересчитав все шаги, по дорожке я добрела до той самой машины.

Майор Донских стоял, навалившись на капот. Его внимательные глаза цвета горького шоколада, почти скрытые бейсболкой, изучали меня. Футболка скрывала крепкие мышцы, выделяющиеся даже под распахнутой бесформенной курткой. Джинсы сидели на нем как влитые, немного топорщась в тех местах, где это не укроется от женского взгляда. Он облизнул губы, немного нервничая, и отбросил сигарету.

Я подошла к нему совсем близко и окунулась в табачный дым, висевший в воздухе.

– Я рассказала всё, что знаю.

У него был такой вид, будто он проглотил язык. Я смотрела на него в ожидании, но он молчал. Немного помявшись, он пошарил в карманах куртки и вынул пакет.

– Я привез вам поесть. Вы уже третий день не выходите из больницы.

Какая забота! Я хмыкнула. Мое лицо не выражало никаких эмоций, лишь усталость.

– Вы всем подозреваемым привозите обед?

– Послушай, Саш, давай на «ты», хорошо? Я немногим старше вас. – Он осекся. – Тебя. Ты – не подозреваемая. Мы работаем, ведется следствие. Очнется твой брат, и всё станет ясно. Он должен многое объяснить.

Я вежливо кивнула.

– Давай отвезу тебя домой? – Он подошел ко мне ближе, невзначай коснувшись плеча.

Я не отступила, сверля его взглядом. Мне не было неловко, как я выгляжу после трехдневного дежурства у койки брата. Скорее горько от того, что мужчина, явно проявляющий ко мне интерес, не верил в мои слова, воспринимал меня как родственницу преступника. А

мне нужна была хоть какая-то информация. Чтобы выудить ее, я готова была сыграть с ним в эту игру.

Повернувшись, я зашагала к машине. Он изловчился, чтобы успеть открыть передо мной дверцу. Я приняла пакет из его рук и села.

Донских залез на водительское сиденье и протянул мне кофе в термостакане:

– Прости, если он немного остыл.

Я достала булочку из пакета и надкусила. Его пальцы неожиданно коснулись моего локтя. Он испуганно отдернул руку, словно обжегся, и потянулся за ключами. Напряжение нарастало. Его бы не похвалили за общение с заинтересованными лицами вне рамок уголовного дела.

Я повернулась вполоборота и внимательно посмотрела на него, закусив губу:

– Сергей, послушайте. Послушай. Если есть что сказать, скажи сейчас. Я большая девочка. И я не стану пить кофе в машине человека, который собирается посадить моего брата. Это против правил. Моих и твоих.

Я перевела взгляд на папку с бумагами, лежавшую на заднем сиденье.

– Скажи мне хотя бы, насколько всё плохо.

Он перехватил мой взгляд и недовольно выдохнул:

– Ты же понимаешь, что я пока не могу делиться такой информацией?

– Тогда попрошу вас больше не беспокоиться обо мне, – твердым голосом отчеканила я и выпрыгнула из машины, оставив пакет на сиденье.

Швырнув булку в урну, быстрым шагом я направилась в противоположном направлении к автобусной остановке. Солнце вдруг спряталось, стало холодно. Пришлось застегнуться. Позади меня послышался звук мотора, удаляющегося прочь.

Ну и черт с тобой.

Пришла смс от отца: «Тимофеев Алексей Львович, ул. Островского, 12-2. Тел. 7934573243». Нужно поспешить.

В моих мыслях была загадочная девушка, оказавшаяся убитой. Предстояло найти ее адрес и разузнать о ней всё до самых мелочей. Я была полна решимости не оставить и камня на камне от ложных обвинений.

5

После душа я чувствовала себя вполне сносно.

Открыв квартиру брата своими ключами, я огляделась. Всё лежало на своих местах: посуда на столе, коробки для обуви в коридоре, куртки на вешалке. Тихо побряхтывал вентилятор. Выключив его, я расправила загнутый конец ковра и прошла в комнату Ксюши.

Типичная комната подростка, нуждающегося в материнской ласке: повсюду накинаны вещи, на стуле высилась гора из одежды. С плакатов на стенах на меня поглядывали мрачные, готического вида рок-группы. Кровать была не заправлена.

Быстро проверив тетрадки племянницы и сложив её одежду в шкаф, я поспешила к выходу. В коридоре невозможно было удержаться от того, чтобы не расставить всю обувь по полочкам. Закончив с этими незатейливыми манипуляциями, я отряхнула пыльные ладони и только собралась встать с колен, как заметила, что сзади надо мной нависла тень. Длинная, мрачная, она медленно ползла по стене. Быстро промелькнув, тень отступила.

Резко повернувшись, я увидела на пороге Ольгу. Она молча изучала меня.

В ее руках был огромный коричневый чемодан и два пакета с вещами. Мокрые светлые волосы запутались в липкий пучок и свисали лохмотьями. Платье промокло почти насквозь. Туфли, забрызганные глиной, создавали жалкий ансамбль с порванными колготками.

Я встала в дверном проеме, широко расставив ноги.

На улице начался дождь. В подъезде слышалась приглушенная барабанная дробь: капли стучали по козырьку над входом, гулко отдаваясь в оконных стеклах.

– Дай мне войти, – наконец произнесла она.

Я не собиралась двигаться с места. Меня мучил вопрос о цели ее визита.

– Зачем ты притащила весь это хлам? – Жестом я указала на чемодан.

Даже на расстоянии чувствовалось ее напряжение. Ольга, будучи достаточно привлекательной женщиной, наверняка многим нравилась, но это никогда не относилось ко мне. С первого дня меня раздражали ее манеры, жесты, нарочито сексуальные, плавные движения, томные взгляды и вздохи.

И чувство собственного превосходства над всем миром. Полагаю, что мужчины охотно клюют на подобный тип женщины. Но ощущение, что она не подходит моему брату, меня не покидало с момента знакомства.

После их расставания Сеня мог целый год не слышать ее голоса, но как только она появлялась, готов был слепо бежать за ней, куда поманит. Просто ползти на звук ее голоса. Взрослый, красивый и сильный мужчина, глядя в ее глаза, становился кроликом для удава. Ради одного только поцелуя готов был унижаться и подчиняться. Отвергнутый, сгорая от желания, он вновь с энтузиазмом следовал на зов.

До первого моего отрезвляющего пинка под зад. Никакого характера! И я до сих пор не уверена, исцелился ли он от патологической зависти от этой женщины.

Она откинула мокрую прядь с лица и сделала решительный шаг вперед:

– Я уже сдала свою квартиру и переезжаю сюда.

– С какой такой стати? – моему возмущению не было предела. – Ты не имеешь к этой квартире никакого отношения!

Сделав отчаянный рывок и навалившись на меня всем корпусом, она пробралась в коридор. Я вцепилась в ее пакет, желая вырвать из рук и вышвырнуть. Сжав челюсти, Ольга не спешила ослаблять хватку:

– Ты думаешь, я оставлю своего ребенка с вашей дебильной семейкой?

– Ребенка?! – Я отпустила пакет, отчего та подалась назад и осела прямо в коридоре, навалившись на свои котомки. – Да тебе пятнадцать лет было плевать на этого ребенка!

Пытаясь встать, она задыхалась от волнения, чертыхалась и снова падала. Наконец, отпустив сумки, она вскочила, отряхнулась и подошла ко мне:

– Твой братец оказался полоумным извращенцем, который исполосовал совсем молоденькую девчонку! – Её лицо перекосило от злобы. – Оставил ее в луже крови и еще умудрился там наследить! Спалился по полной! Что за идиот! Это у вас семейное. Теперь на моей дочери всю жизнь будет висеть ярлык дочери убийцы.

Она сплюнула на пол и закричала:

– Я всегда подозревала, что с ним что-то не то! Молчит вечно, смотрит, не слышит никого вокруг. Какая нормальная баба его станет терпеть?! Никто такому не дает, вот и спрыгнул с ума. Маньяк! О, я всегда знала, всегда! У меня чуйка на таких подонков, как же я его ненавижу.

Я не сдержалась и с размаху влепила ей пощечину. От резкого шлепка её голова отлетела назад, руки резко взлетели вверх и так же быстро опустились. На щеке мгновенно расплылось алое пятно с разводами от пальцев.

– Ты пожалеешь, – прошипела она и закрыла лицо руками.

Мои ноги стали ватными, пальцы побелели от напряжения:

– Никогда не говори так при мне. Иначе я задушу тебя прямо здесь, своими собственными руками.

Мои ладони сжались в кулаки. Я видела ее словно в тумане: испуганные глаза, полные ненависти, всклокоченные волосы, опухшая щека. Она подтянула к себе стул и села:

– Саша, давай по-хорошему. Мне некуда идти, поэтому я остаюсь здесь. – Ольга сжала пальцами виски и прищурила глаза. – Твой брат по уши влип, и если я захочу, в три секунды получу опеку над Ксенией. Он – главный подозреваемый. Ты хочешь, чтобы я ее забрала и увезла отсюда? Я могу.

В уголках ее губ играла ухмылка. Несколько минут мы сидели неподвижно. Меня знобило. Пришлось опереться на стену, чтобы не упасть:

– Зачем тебе Ксюша? Ты никогда не была для нее хорошей матерью.

– Не нужно учить меня морали. – Ольга скинула на пол грязные туфли и закинула ногу на ногу. Достав из сумки сигарету, она потянулась к зажигалке.

– Ты не будешь курить в квартире моего брата.

– Твоего брата сейчас здесь нет, возможно, он никогда не вернется сюда. Как знать. Как знать...

Я сверлила глазами ее лицо. Захотелось щелкнуть мерзкой гадине по лбу чем-то тяжелым.

Самодовольно облизнув губы, она покрутила между пальцев папиросу и улыбнулась. Шелковое платье прилипло к ее телу и бесстыдно просвечивало, открывая взору полное отсутствие белья. Лениво поправив мокрый подол, Ольга поднесла к губам сигарету и вставила меж пухлых накрашенных губ.

Совершенно испорчена. Бесчувственная тварь, она пришла сюда ради квартиры и всего, что может остаться Ксюше, если Арсения не станет. Я совершенно не знала, как мне следует поступить. Мной овладела паника.

– Он вернется. Обязательно вернется, – вздохнула я. – И тогда ты полетишь отсюда вниз по лестнице вместе со своими шмотками.

– Посмотрим, – ее глаза горели. – Но пока я здесь. Со своим ребенком. В своей квартире. По полному праву. Всё очень логично. А вот что ты здесь делаешь, я не пойму. Похоже, мне следует заявить куда следует, что ты приходила без приглашения, угрожала и размахивала руками. Нанесла мне побои...

Она осторожно дотронулась до своей щеки и наигранно покачала головой.

– Я буду приходить сюда, когда захочу, – спокойно сказала я, не отрывая глаз, – а ты... Тебе придется оглядываться каждый раз, когда ты будешь идти по темным переулкам, если

вдруг мне будет ограничен доступ к моей племяннице. Если с ее щеки упадет хоть одна слезинка. Ты пожалеешь.

Я взяла с крючка свою сумку и перекинула через плечо:

– Что еще ты знаешь о том, что произошло с той девушкой?

– С какой стати я должна делиться информацией с подозреваемыми? – рассмеялась она.

– Тебя же волнует репутация твоего бывшего мужа. Переживаешь за это?

– Вообще-то не особо, – хмыкнула она.

– Ясно. И всё же... Где это произошло?

– Ммм... – Она посмотрела на кончик сигареты и закатила глаза.

– Скажи, и я уйду, оставив тебя в покое.

– Да мне всё равно! Мне недолго осталось терпеть ваше серое скучное семейство и эту убогую лачугу. Красной Армии, 29. Двадцать девять. Запомнила или произнести по буквам? Там он прикончил эту девку.

Я кивнула.

– Теперь убирайся. – К ней вернулась обычная уверенность и решительность. Она облокотилась о спинку стула.

– Не вздумай менять замки, я буду приходить к своей племяннице, когда захочу! – Я развернулась и вышла из квартиры. За закрытой дверью послышался приглушенный каркающий смех.

«Ведьма», – подумала я и достала телефон. Быстро написав смс Ксюше, я вышла из подъезда.

Я была не в восторге от последних проявлений агрессии, но ничего не могла с собой поделать. Защитная реакция от осознания полной своей беспомощности.

Красной Армии, 29, оказался высокой многоэтажкой в трех кварталах от нашего дома. На освещенной солнцем детской площадке, на скамеечке, вытянув ноги, сидел седой старик в кепке. Я направилась к нему.

Прохладный воздух после дождя приятно бодрил, обволакивая весь двор. Гуляющие на площадке люди мельком взглянули на меня и отвернулись. Моя рука крепче стиснула ремень сумки. Я была вынуждена скрывать свое любопытство, опасаясь обратить на себя внимание.

– Доброго дня, – мне удалось втиснуться рядом.

Старик повернулся и взглянул на меня, нахмутив брови. Верхняя его губа была украшена черными усами, словно нарисованными сажей. Они очень контрастировали с седой шевелюрой. Он слегка отодвинулся, освобождая мне больше места:

– И вам, милейшая.

– Ну и дождичек, ух! – улыбнулась я.

«Боже, что ты мелешь», – взмолился мой внутренний голос.

– Да? Такой мелкий дождик, что я даже не намок, – вскинув брови, прошамкал старик в ответ.

– Живете здесь? – поинтересовалась я.

– Тридцать лет, – кивнул он.

– Не подскажите, в какой квартире проживала Мария Яковлева?

Старик выпрямил спину, почувствовав важность разговора. Его изборожденное морщинами лицо вытянулось в удивлении:

– Вы не здешняя, раз спрашиваете. Я и сам не знал о ней, пока не произошло... то, что произошло.

– Я из газеты, пишу заметку про это страшное происшествие, мне бы только знать номер квартиры.

– Первый подъезд, первый этаж, налево, – пробормотал он, указывая пальцем. – Всё давно опечатано, вы там никого не встретите.

– Тогда хотя бы гляну одним глазком!

– Не соваться бы в такое дело молодым хорошеньким девчонкам, – старик покачал головой.

– Спасибо за помощь, – я вскочила и быстро направилась к подъезду.

До заветной двери оставалось метров тридцать. Двигая руками в такт ходьбы, я заметила, как он машет мне вслед морщинистой рукой.

Открывший мне дверь мужик был огромен. Распухший от пива бездельник весил килограммов сто пятьдесят. У него были хищные маленькие глазки, плешивая голова. Приплюснутый на пол-лица нос напомнил мне тыкву. Мне подумалось, что он годами не вылезал из своего жилища, настолько бледной и серой была его кожа. На вид я бы дала ему около пятидесяти лет. Возможно, когда-то он был хорош собой, но пиво и сидячий образ жизни его погубили.

Он отошел в сторону, пропуская меня внутрь. Комната была обставлена скромно, но со вкусом. На стене висела парочка картин, обтянутых желтыми рамами. Жанр изображенного я бы охарактеризовала словом «мазня», но наверняка они были довольно ценными.

– Анна... Смелова, газета «Жизнь», – представилась я, протянув руку.

– Пилькевич. – Он прислонил мою руку к своим губам и тщательно облизывал. – Арам Пилькевич. Присаживайтесь.

Он указал рукой на кожаный диван. Я присела и достала блокнот.

– Позвольте задать несколько вопросов о вашей соседке?

Арам подобрал свое огромное брюхо, присел в кресло напротив и положил его на колени, как арбуз. Его взгляд внимательно скользил по мне, остановившись на груди, обтянутой тонкой кофточкой. Достав своими толстыми пальцами зубочистку из упаковки, стоявшей на столе, он отправил ее в рот и принялся перемещать из стороны в сторону. Потом вынул, зажал в руке, улыбнулся и сказал:

– Но что я могу сказать вам нового? Я уже всё рассказал господам полицейским. Мы с ней были не знакомы.

Его лукавый взгляд блуждал по моей шее, то и дело опускаясь ниже. Он кокетливо пожал плечами.

– Такой серьезный, наблюдательный мужчина не мог не заметить, кто посещает девушку из квартиры напротив, – не собиралась сдаваться я.

Сев на край дивана, я несколько раз обмахнулась блокнотом, прикрыв глаза. Выдохнув, расстегнула верхнюю пуговицу. Нельзя было не заметить, как впились его глаза в вырез кофточки.

– Какая жара, – я медленно облизнула губы и пристально посмотрела на него.

Зубочистка запрыгала меж пальцев и выпала из его рук. Толстяк заерзал в кресле, почесывая волосы, торчащие из-за воротника рубашки.

– Расскажите, как вы обнаружили ее, это будет интересно нашим читателям.

– Не каждый день ко мне заходят такие хорошенькие журналистки, – он принялся тереть в руках пуговицу рубашки, – не знаю даже...

– Расскажите мне самые ужасные подробности, я буду вам благодарна. Очень благодарна, – заверила я, поправляя волосы. – Когда вы обнаружили ее тело?

Он заговорщически улыбнулся и подался вперед:

– Не знаю, как сказать вам, но она была... распутной девкой. Я таких чувствую на расстоянии. Выглядела развратно, редко ночевала дома, приезжала чаще под утро. При полном параде. – Видно было, как он возбуждается от своего рассказа. Жирдяй определенно получал

удовольствие, день за днем наблюдая за молоденькой соседкой. – В то утро я пошел в магазин и увидел, что дверь в ее квартиру не заперта. Толкнул ее и вошел.

– И?

Его лицо скривилось:

– Я сразу позвонил в полицию.

– Что вы увидели?

– Она лежала на полу абсолютно голая. Вся в крови. Всё вокруг в крови. Неестественная поза, раскинутые ноги. Убийца, вероятно, действовал с дикой злобой. Я не эксперт, но, кажется, это были ножевые ранения. Здесь, – он показал на грудь, – и особенно там, – его рука скользнула вниз живота.

– Оу, – воскликнула я и сделала пометку в блокноте.

– Вам пошли бы очки, – взглядом он исследовал моё лицо.

– Спасибо, – я потеряла лоб карандашом. – Заметили ли вы что-нибудь необычное на месте преступления? Вещи, которые не принадлежали убитой?

– Не знаю, я же не бывал у нее раньше. На тумбочке лежало кольцо и, кажется, водительские права.

– Её?

– Не видел.

– Она водила автомобиль?

На секунду он задумался:

– Ни разу не видел ее за рулем.

– У нее был парень?

– К ней часто заглядывал один из местных – Усик. – Арам недовольно поморщился.

– Усик? Прозвище такое? – удивилась я.

– Армянин. Такое имя – Усик. Держит небольшой рынок за углом.

– Ясно. – История начинала обретать видимые очертания. – Вы видели, приходил ли кто-нибудь к ней тем вечером, 21-го числа?

– Вечером здесь много народа шастает, идут с работы. Я не слежу.

– А утром?

– Не видел, чтобы кто-нибудь выходил от нее утром. – Он отрицательно покачал головой.

– Она ночевала дома?

– Могу ошибаться, но не видел ее выходящей.

– Может, у вас установлены камеры в подъезде?

Внезапно Арам встал, нависнув надо мной, как гора. Он хотел закончить надоевший вопрос.

– Милая девушка, как вас, я забыл?

– А... Анна, – пробормотала я, глядя на него снизу вверх. Увидев, что он придвигается вплотную, я вскочила.

– Не хотите выпить со мной чашечку кофе? – он настойчиво схватил меня за локоть своей липкой рукой и явно не хотел отпустить.

– Не откажусь, эмм... показывайте кухню! – аккуратно высвободившись, я шагнула в сторону двери. – Скажите, у Маши есть родственники, подруги? С кем можно было бы поговорить.

– Никогда не видел подруг. Но на похороны приехала ее мать, наверное, она все еще у нее в квартире. Только не открывает никому. Прошу вас, – он подтолкнул меня дальше по коридору, скользнув рукой по пояснице.

Меня неприятно обожгло это прикосновение.

Я прошла на кухню, прижимая сумку к груди. Арам повернулся к плите. Его толстый зад едва помещался между столом и кухонным гарнитуром. В помещении стоял навязчивый запах

начавших портиться продуктов. Воспользовавшись моментом, я кинулась к выходу, бросив на ходу:

– Варите, я буду через минуту.

Влетев на скорости в свои босоножки, стоявшие в коридоре, я распахнула дверь и выбежала на лестничную площадку.

Нажав на звонок квартиры напротив, я ощутила, как капельки пота по спине сбегает вниз. Мне уже слышались позади шаркающие шаги противного толстяка. Мерещились его жирные руки, тянущиеся ко мне. Окинув взглядом площадку, я не заметила ни одной камеры. За дверью всё еще было тихо.

Громко постучав несколько раз, я навалилась на стену.

Наконец, дверь отворилась, и на пороге появилась женщина лет сорока пяти. Стройная, с худым лицом и усталыми глазами. От нее пахло алкоголем. Она вопросительно уставилась на меня.

– Добрый день, вы мама Маши Яковлевой?

– Да, – сухо отрезала она.

Я залезла в сумку, нащупала крупную купюру и протянула ей:

– Соболезную вашей беде. Не могли бы вы немного рассказать о своей дочери? Я работаю в газете, все обеспокоены случившимся, возможно, в городе объявился серийный маньяк.

Женщина наградила меня долгим испытующим взглядом, потом вынула руку из кармана и выхватила банкноту. Губы ее сжались. Отшатнувшись, она направилась в комнату. Я последовала за ней.

На столе стояла бутылка с рюмкой. Рядом нехитрая закуска из рыбной консервы и фото, перетянутое по диагонали черной ленточкой. Девушка, смотревшая с карточки, была слишком юной, чтобы умирать. Красивая, маленькая брюнетка с большими глазами и тонкими чертами лица. От нежной, почти фарфоровой кожи веяло аристократической бледностью. Изящная, она смотрела с фото как царица, гордо и торжественно. От объятий такой красоти у любого мужчины кровь начала бы сильнее стучать в висках.

– Присаживайтесь, – женщина указала на стул.

– Спасибо.

– Что вы хотите знать? – сухо спросила она.

– Вы кого-то подозреваете в убийстве Маши?

– Никого конкретно. Это мог быть любой из ее мужчин. Мы не общались из-за ее образа жизни.

– Расскажите мне о...

– Она опустилась до потаскухи. У нее всегда было полно денег. Что я могу еще добавить? Женщина покачала головой и уставилась в пол.

– У нее был постоянный мужчина?

– Какой-то черный. – Она гневно махнула рукой. – Считал себе невесть кем. Я предупреждала её, что такой, как он, наиграется и бросит. Но она не слушала. Так и вышло. Она звонила, сказала, что он оставил ее, была вне себя от обиды.

– Давно это было?

– Месяца два назад.

– Ясно, – я сделала очередную пометку в блокноте. – Помните, как его звали?

– Не спрашивала.

– Думаете, он мог ее убить?

– Если бы она сказала ему что-то грубое. Люди этой нации такое не прощают, они очень гордые, а женщины для них – люди второго сорта.

– Спасибо.

Я вышла, оставив несчастную женщину в одиночестве.

Расталкивая друг друга, люди создавали хаос возле прилавков. Было очень шумно. Крытый павильон рынка внутри напоминал купол цирка: высокие потолки, широкое пространство, много воздуха и посетителей.

Прокладывая путь возле лотков с выпечкой и деликатесами, я ощутила, насколько голодна. Ноги начинали подкашиваться от бессилия. Остановившись возле пластикового столика, я насобираала по карманам мелочи, купила шаурму и присела.

Быстро проверив телефон, ответила на сообщения и перезвонила Кате. Подготовила подругу к тому, что в квартире брата в засаде ее может ожидать злая фурия, способная плескать ядом на километр. Мы поговорили, мне стало немножечко легче.

Заприметив в глубине павильона добротное здание приличного размера, я торопливо зашагала туда. На табличке значилось «Администрация».

Толкнув дверь, я вошла. В помещении играла приятная музыка.

В приемной сидела пышногрудая девушка в облегающем платье. По-хозяйски развалившись в кресле, она листала журнал. На вид ей было 22–23 года. Широкий вырез платья позволял видеть почти всю ее грудь и кружевное белье.

– Здравствуйте, мне нужен Усик, – начала я.

Отложив журнал, она оценивающе уставилась на меня:

– Вы кто?

– Лейтенант юстиции Патракова, – мой лоб сразу покрылся испариной.

Она указала взглядом на дверь.

В ту же секунду из соседнего помещения показался высокий брюнет крепкого сложения. Загорелый, кучерявый, стройный. Из ворота рубашки виднелась волосатая грудь, на ногах были ярко-красные мокасины. Он широко улыбнулся мне и одарил жарким взглядом. Понятно, почему женщины с ума сходят от горячих восточных мужчин.

– Полиция, – махнув в мою сторону головой, подсказала брюнетка.

Взгляд Усика сразу стал холодным и осторожным. В моей голове созрела подходящая к случаю речь. Я прокашлялась.

– Усик? – вдруг обойдя меня из-за спины, с папкой наперевес, проследовал вперед откуда ни возьмись взявшийся следователь Донских. – Мне и... – он бросил на меня уничтожающий взгляд, – и лейтенанту Патраковой нужно задать вам несколько вопросов.

Я готова была провалиться под землю. Сергей встал впереди меня, закрыв обзор своей мощной спиной, и продемонстрировал им удостоверение. Брюнетка, качаясь в кресле, заинтересованно таранилась на парочку странных служивых.

Неожиданно Усик просунул руку под пиджак.

Я почувствовала, как напряглись мышцы стоящего передо мной следователя. Его пальцы готовы были в любую секунду потянуться к кобуре под курткой.

Неосмотрительно было явиться к предполагаемому преступнику, не предупредив никого. Я сильно впилась ногтями в свои ладони. Вдруг послышался звук мобильного телефона.

Усик достал мобильник.

– Секунду, – бросил он в нашу сторону.

Сергей кивнул. Усик внимательно слушал звонившего, глядя на нас.

– Эм, простите, – он растерянно пожал плечами и облокотился на кресло, в котором восседала брюнетка. – Налоговая. Позвольте, отвлекусь на минуточку.

Донских снова кивнул. Несколько секунд мы слушали дежурную телефонную болтовню, потом Сергей вполоборота повернулся ко мне, так чтобы посторонние не видели его губ.

– Какого черта ты здесь делаешь? – процедил он сквозь зубы, хватая меня за рукав. Он был в бешенстве.

– Ты за мной следил?! – прошептала я, нахмутив брови.

– Что?! – он еще сильнее потянул меня за рукав.

– Прости, но я не могла сидеть сложа руки. – Я постаралась аккуратно освободиться от его хватки.

– И поэтому ты нарушила все законы, какие возможно? – Он наклонился к моему уху. – Лейтенант Патракова, значит? Да ты чокнутая на полголовы! Как можно шариться по рынкам, представляясь представителем закона? Ты хоть понимаешь, что дискредитируешь своего брата, когда суешься к предполагаемым свидетелям по делу об убийстве?! Они заявят на тебя, и всё. Какого, мать твою, хрена ты путаешься в ногах у следствия?

Закончив фразу, он посмотрел мне прямо в глаза.

Запах его одеколona ударил в нос. Опять этот дурманящий аромат, от которого подгибаются коленки. Захотелось притянуть его лицо к себе и коснуться губами. Но я просто смотрела. Можно было рассмотреть каждую черточку и морщинку на коже. Его дыхание было прерывистым, глаза потемнели. Манящее зрелище.

– Прости, но насколько продвинулось следствие за эти дни?! – я боролась с собой, пытаюсь оставаться невозмутимой и спокойной.

– Ты просто глупая девчонка, которая совершает идиотские поступки. Подвергаешь себя опасности, подставляешь меня. Тебя здесь быть не должно. Чуть всё не испортила! Тебе не пять лет, ты должна понимать, что это не игрушки. Займись своей работой, а мою – оставь мне. Я делаю всё, чтобы выяснить обстоятельства этого дела. Если твоему брату будут предъявлены официальные обвинения, ты первая об этом узнаешь. В деталях! Мы все ждем, когда он очнется и сможет дать показания.

– Что-нибудь выпьете? Чай? Кофе? Что-то покрепче? – Закончив разговор, Усик отбросил телефон и уставился на нас.

Брюнетка встала и, покачивая бедрами, отправилась к бару, чтобы изящной тонкой ручкой наполнить свой бокал шампанским.

– Вы знаете Марию Яковлеву? – Сергей сразу перешел к делу.

Самодовольная улыбка на секунду исчезла с лица Усика, но тут же появилась снова. Кажется, вопрос испугал его.

– Дайте-ка подумаю...

От меня не укрылось, какой возмущенный взгляд бросила в его сторону брюнетка, резко обернувшись.

– Знаете? – повысил тон Донских.

– Да... – замялся Усик, – старая знакомая, эти отношения давно в прошлом.

– Три дня назад её убили.

Усик настороженно посмотрел на нас по очереди и покачал головой:

– Нет, боже... Кто мог такое сотворить? Что случилось?

Его реакция не произвела на меня впечатления. Он явно не слишком расстроился.

– Где вы были с 21-го на 22-е число ночью?

– Я? Вы меня подозреваете, – усмехнулся Усик.

– Не тяните время, я могу повторить вопрос.

– Где я был 21-го? Хм, – он подошел к брюнетке, отхлебнул из ее бокала и обнял за талию. – Стелла, малыш, мы с тобой были у тебя, верно?

Убрав руку, она задумчиво посмотрела ему в глаза. Он с тревогой ждал ее ответа.

– Правда? – наигранно сказала она. – Откуда мне знать, где ты был в ту ночь.

– Ну, вспомни, – он притянул ее к себе.

Мне показалось, что он с трудом справляется с эмоциями.

– Ну, как же, сначала я приготовил тебе ужин, потом мы посмотрели фильм про того забавного парня, который родился старичком. Помнишь? Про Бенджамина Баттона. Потом приняли вместе ванну, долго занимались любовью. Ты кончила пять раз, и мы легли спать.

Мы с Донских переглянулись.

– Ах, это было тогда? – Она поставила бокал на стол. – Ну, да, незабываемо. Точно.

Усик сделал победный жест рукой в нашу сторону:

– Вот, видите, я был с ней. А что там произошло с Машей?

Донских явно не устраивало такое алиби:

– Кто-то еще вас видел? Кто может подтвердить ваши слова.

– Мм, думаю, нет.

– Тогда думаю, девушка, вы должны понимать, что за дачу ложных показаний вы можете пойти под суд как соучастница. Вас посадят. Вы еще можете отказаться от показаний.

Спокойно посмотрев на своего приятеля, она перевела взгляд на Донских:

– Я не умею врать.

– Отлично, не говорите, что я вас не предупреждал.

6

Сергей добавил скорости и стремительно понесся в сторону центра. Он вымещал свою злость на моторе автомобиля, выжимая из него последние силы. Минут пять мы ехали в полной тишине. Мне было гадко.

У меня был жизненный принцип рассчитывать на саму себя, а этот мужчина хотел, чтобы я ему доверилась и пустила всё на самотёк. Как могла я бездействовать и просто ждать в такой ситуации? Чего ждать?

И все равно было стыдно.

Я повернулась и украдкой посмотрела на Донских. Его сильные руки сжимали руль, глаза были устремлены на дорогу. Он был в диком гневе. Это выразалось в его позе, в том, как жадно он вдыхал воздух и нервно цедил через нос.

Нестерпимо захотелось попробовать его губы на вкус.

– Закинь меня на Островского.

– Ты – сумасшедшая. – Он прикусил нижнюю губу. – Я не видел еще более сумасшедшего человека, чем ты. Как знал, что не нужно с тобой связываться. Тебе бы хорошего ремня!

– Давай оставим между нами только деловые отношения. Ты можешь и дальше мне ничего не рассказывать, я не буду обижаться. Подумай о своей карьере прежде, чем сядешь и поедешь ко мне в следующий раз.

– У меня к тебе еще куча вопросов. Ты мне многого недоговариваешь. Откуда ты знаешь про этого мелкого мошенника с рынка? Может, ты просто подчищаешь концы. Почему я должен тебе верить после таких выходов, как сегодняшняя? – Он в ярости ударил по рулю.

– Сама на него вышла. Неужели ты думаешь, что я смогу спокойно сидеть дома, когда брат в больнице на волоске от смерти? Да еще и подозревается в убийстве? Я Арсения знаю. Уже скоро тридцать лет, как знаю. Если бы была хоть малейшая вероятность того, что он может быть виновен, я бы тебе об этом сказала!

– Хорошо, я тебе верю. Предположим, в своих умозаключениях я могу опираться на то, что он невиновен. И в расследовании исходить из этого. Но есть еще факты. А факты – вещь упрямая. У нее нашли кольцо твоего брата с гравировкой и его водительские права. На его одежде обнаружены частички ее крови. Это очень серьезно. Большого я не могу тебе сказать, тебе придется верить мне на слово. И доверять.

Новые подробности заставили меня задуматься.

– Останови здесь.

Когда машина остановилась, я открыла дверцу и вылезла, не оборачиваясь, но Сергей окрикнул меня:

– Я заеду вечером.

Медленно повернувшись, я прикрыла дверь и устало посмотрела на него через полуприкрытое окно:

– Чтобы записать показания?!

Он выругался. Машина сорвалась с места и исчезла за поворотом.

На двери кабинета значилось: «Частное сыскное агентство».

Я нерешительно вошла. Небольшая комнатка вся утопала в зелени. Цветы на подоконниках сменялись большими напольными кадками, кактусами на полках, а завершал ансамбль китайский фонтанчик. Играла легкая непринужденная музыка. За стойкой меня встретила милая девушка лет двадцати:

– Чем могу помочь?

– Я к Тимофееву.

– Придется подождать минутку, – она указала на диванчик в углу. Зазвонил телефон, девушка сняла трубку и принялась мило болтать.

Присев, я продолжила разглядывать убранство приемной. Веселенькая атмосферка. Ужасно захотелось спать. Все это журчание и трепетание расслабляло, заставляя забыть о реальности. Я откинула голову на спинку дивана.

Вскоре с улицы в помещение вошел высокий мужчина в удлиненной спортивной куртке и белоснежных фирменных кроссовках. Словно только что с пробежки. Я оглядела его с головы до ног. Сам того не желая, он производил на окружающих особое впечатление.

Молодой, крепкого телосложения, светловолосый, с ямочкой на подбородке. Он был коротко острижен, зеленые глаза с длинными ресницами широко распахнуты. Всё в его походке говорило о недюжинной силе и притаившейся необузданности. Он двигался уверенно, но бесшумно, ступая легким пружинистым шагом боксера.

От вида этого мужчины по мне пробежал ток.

– Простите, а вы не... – промямлила я, вскочив ему вслед, но он не обернулся. Пришлось сесть обратно.

Я смотрела, как он раздевается и убирает одежду в шкаф. Каждое его движение почему-то действовало на меня магнетически.

Не будь я скептиком, решила бы, что это любовь с первого взгляда. Ну, когда смотришь на человека и тебе хочется его сожрать.

Нет. Когда смотришь на человека и понимаешь, что если не переспишь с ним, то просто взорвешься.

Нет. Когда смотришь на человека и не хочешь его отпускать.

Нет. Нет. Нет.

Мысли начинали путаться.

Он кивнул девушке за стойкой, затем повернулся и приветственно поклонился мне, одарив сдержанной полу-улыбкой, затем скрылся за дверью с табличкой «Тимофеев». Его глаза показались мне невероятно грустными, взгляд глубоким, полным скрытых эмоций.

Я тотчас покраснела как рак. По крайней мере, мне так казалось. Жар поднимался снизу вверх и готов был взорвать мою голову.

Через минуту из той самой двери вышел кудрявый худой парнишка лет восемнадцати и направился ко мне. Его каштановые волосы были всклокочены и торчали в разные стороны. Вязаный свитерок цвета топленого молока явно был ему великоват и собирался в складочку на талии. В руках он нес почирканный блокнот размером с хорошую книгу.

– Тимофеев? – с надеждой спросила я, спрыгнув с дивана.

– Нет, – рассмеялся он. – А вы Александра?

– Да.

– Ваш отец звонил сегодня, предупредил о вашем приходе. Алексей Львович ждет вас. А меня зовут Артем. Я буду стенографировать ваш разговор. Вы не против?

– Нет. Но мне, как бы это лучше сказать... Мне нужна просто консультация.

– Алексей Львович обязательно поможет, он у нас мега-мозг. Главное, садитесь, смотрите прямо на него и старайтесь говорить, четко проговаривая слова.

Он указал рукой на кабинет.

Я шагнула в сторону двери. Она была приоткрыта. На кожаном кресле за столом, просматривая какие-то бумаги, сидел тот самый светловолосый незнакомец. Спина его была прямой как струна, взгляд внимателен и сосредоточен. Тончайшая футболка из легкого хлопка обтягивала его мускулы, дополняя голубые джинсы из грубого денима. Всё это странным образом отлично вписывалось в деловой классический стиль оформления кабинета.

Я обернулась к парнишке:

– Простите, не поняла, а зачем проговаривать? Он что, иностранец?

Парень ужасно смутился:

– Вас не предупредили? Простите, моя вина. Алексей Львович... Он просто глухой и будет читать по вашим губам.

Он протянул мне руку, поздоровался и сел обратно в кресло. Обычный парень. Я могла бы сказать, что он выглядит лет на двадцать восемь – тридцать. Лицо. Но его глаза, не нахожу слов, чтобы описать их. Он молчал. А они без слов рассказывали о его силе и слабости, надежде и отчаянии, о боли и несгибаемом характере. Такие усталые, но светящиеся изнутри. И свет этот, казалось, озарял всё вокруг летящими искрами.

Вы бы не заметили, что с ним что-то не так. Вполне обычный голос, просто слегка ниже обычного, как при заложенности носа. Когда он произнес первое «Здравствуйте», мне стало ужасно не по себе. Меня словно вжали в стул чем-то тяжелым и начали душить, медленно вытягивая кислород из легких.

Мы сидели друг против друга. Стараясь оставаться непринужденной, я рассказывала все подробности, какие мне известны. Он, не отрываясь, следил за моими губами.

Кучерявый Артем устроился справа и молниеносно записывал в блокнот каждое слово. Рядом на его столе лежал ноутбук, но ему, похоже, было привычнее пользоваться карандашом. Или так предпочитал его шеф. Вообще странно. Картинка никак не складывалась в моей голове: частные сыщики следят, подслушивают, вынюхивают. Для такой работы как минимум нужен слух. Здесь всё было устроено по-другому.

– Вообще, – серьезно сказал он, – мы не занимаемся делами об убийствах. Но у меня есть некоторые обязательства перед вашим отцом, поэтому я наведу справки по своим каналам. Необходимо выяснить, чем располагают полиция и прокуратура и насколько серьезно это может навредить вашему брату. Мы сейчас на нулевой точке: неизвестно, у кого был мотив убивать девушку. Не ясен ее род занятий, а также чем она занималась в тот вечер и ночью, во сколько ее убили. Также придется выяснить, чем занимался ваш брат в это время, как он там оказался и по какой причине попал в аварию. Мы займемся этим, а потом свяжемся с вами.

– Я буду ждать новостей, спасибо.

– Артем запишет ваш номер телефона.

– Спасибо! – повернув голову в сторону паренька с блокнотом, воскликнула я. Но тут же сообразив, что Алексей не видит моих губ, я посмотрела ему в глаза и повторила. – Спасибо.

– Кстати, кто ведет дело? – поинтересовался он.

– Донских, – ответила я, вставая.

Он многозначительно кивнул и, ничего не ответив, откинул голову на спинку кресла. Зрачки его глаз сузились и налились холодным блеском. Задумчиво глядя в окно, он барабанил пальцами по полированной столешнице.

Разговор был окончен.

Я надиктовала свои данные Артему и вышла. Девушка за стойкой рутинно перебирала бумажки.

– Всего доброго, – пожелала она мне на прощание.

7

Сев в такси, я отправилась домой, чувствуя себя старой и разбитой. Водитель сосредоточенно вел машину, собрав по пути все возможные светофоры. Утомительная поездка доконала меня окончательно.

Открыв дверь, я плюхнулась на стул, не включая свет. Не хотелось никого видеть. Я знала, что, увидев свет в окнах, соседи налетят как мухи. В комнате было прохладно, от ветра покачивались занавески. Голова раскалывалась от боли. На ощупь мне удалось найти в шкафчике лекарства и налить в стакан воды. Приняв обезболивающее, я зашла в ванную и приняла душ. Хотелось поскорее лечь в постель.

Подсушив волосы полотенцем, я села на кровати, поджав ноги, и набрала Ксюшу. Она не отвечала. Наконец, племянница скинула звонок и через минуту тихо постучалась в дверь. Накинув халат, я отворила дверь.

Ксюша молча шагнула ко мне, в темноту, и обняла, уткнувшись носом в мою шею. Я толкнула от себя дверь и нежно погладила ее по спутанным волосам. Мы присели на диван в гостиной.

– Мне теперь придется жить с ней? – всхлипнула племянница, прижимаясь к моему плечу.

– Придется немного потерпеть, малыш.

– Сколько?

– Скоро папе станет лучше, и он обязательно вернется домой.

– Она постоянно всем недовольна. Придирается к каждой мелочи. Я и раньше еле выносила пару часов с мамой по выходным, а теперь придется терпеть её круглые сутки.

Я почувствовала, как напряжены кулаки Ксюши. Она натянула рукава кофты, полностью скрыв ими свои пальцы.

– Она очень нервная, – продолжила девочка, – постоянно бегают покурить на балкон или сидит в кресле и как зомби переключает каналы.

– Да, очень на нее похоже, – я покачала головой...

– Как там папа? Я могу зайти завтра в больницу после школы? Совсем не хочется идти домой.

– Обязательно приходи, бабуля спрашивала про тебя. Нужно поддержать ее, она не отходит от его кровати. Поможешь ей привести папу в порядок, поухаживать за ним. А еще лучше просто посиди рядом и поддержи за руку. Больным в его состоянии необходимо знать, что близкие рядом. Ты можешь взять папину любимую книжку и почитать вслух.

– Он не услышит, – расстроилась Ксюша.

– Обязательно услышит, – пообещала я. – Только кажется, что папа спит. На самом деле его сознание, оно как бы находится в капсуле. В стеклянной оболочке. Наши слова доносятся до него тише, чем мы их произносим. Он лежит и думает, стоит ли ему возвращаться, ведь тело очень устало. Поэтому нам нужно делать всё, чтобы папа захотел жить. Если мы будем звать его, говорить, как сильно любим, он наберется сил, встанет и разрушит стены, которые сковали его сознание.

– Думаешь? – недоверчиво спросила племянница.

– Знаю, – подтвердила я. – Говори с ним, читай, держи за руку, ему это очень нужно.

– А какая книжка у папы любимая?

– Зайди в его комнату, посмотри в шкафу со стеклянными дверцами. Там все книжки его любимые. Возьми с верхней полки любую книгу в черной обложке, это будет Стаут. Хотя детективы ему сейчас ни к чему. Можешь выбрать что-то с юмором, например Зощенко. Или с глубоким смыслом: тогда бери Толстого, заодно просветишься, в жизни пригодится.

– Спасибо, – отчаянно затрясла головой Ксюша, – но Толстой идет у меня трудновато! Особенно если сочинение заставят писать, без интернета никуда.

– Вот и тренируй мозги! – рассмеялась я, притягивая ее к себе.

Племянница заметно повеселела:

– Выберу что-нибудь с картинками. Такие книжки читаются легче.

– Кстати, как дела в школе?

Её плечи напряглись, рука застыла в воздухе. Она почесала затылок:

– Терпимо. Но учеба – не мой конек, ты же знаешь. Осталось потерпеть пару дней, сдать экзамены и... каникулы! Потом потерпеть еще годик, и свобода!

– Я бы лучше вернулась в школу, – вздохнула я.

– Фу, как ты можешь такое говорить.

– Поверь, пройдет пара лет, и ты будешь вспоминать школу с приятной ностальгией. Жизнь взрослого полна борьбы и разочарований. Если не будешь хорошо учиться, то совсем скоро начнешь просыпаться с утра с одной только мыслью, как заработать на кусок хлеба себе и своим детям. А дети, у них есть такое свойство: они постоянно хотят есть. Еще их нужно во что-то одевать. А если рядом нет достойного мужчины...

– Саша, – она отстранилась от меня и села. Даже в темноте было четко видно, как Ксения возмущенно таращит на меня свои глаза. – Тебя уже куда-то не туда понесло. Алё, мне пятнадцать! Мне бы пожить лет пять-десять, чтобы я не слышала про вот эту всю чушь с детьми, работами и прочей...

Я улыбнулась и подытожила:

– Если бы ты знала, как скоро вся эта рутина накроет и тебя.

– Не, – сморщив губы, она покачала головой.

– Да, – усмехнулась я. – Не успеешь и глазом моргнуть, хоп, и ты уже старушка.

– Не, – повторила она и рассмеялась.

– Надеюсь, что я ошибаюсь.

Дверь тихонько отворилась, в просвете появилась фигура Кати. Мы замолчали и уставились на нее. Изящно придержав дверь бедром, она замерла, вглядываясь в темноту. В руке у нее на тарелке было жаркое. Пахло очень заманчиво.

– Шепчетесь? – Катя щелкнула выключателем. Сразу стало светло.

– Выключай, выключай! – мне пришлось зажмуриться от света. – А то мошकारа налетит, окно открыто.

Как-то стыдно было признаться, что опасаюсь налета соседей. Они будут похуже мошкары, зудят громче, и от них рукой не отмахнешься.

Она вновь нажала на выключатель, комната погрузилась во тьму. Пока Катя искала на кухне столовые приборы, я обняла племянницу и прошептала:

– Родная, тебе пора спать, уже десять часов.

– Ну... – Ксюша обняла меня крепко, потом еще крепче, затем ослабила хватку и встала.

– И еще. Убери эту штуку, которую ты нарисовала на лице. – Я очертила в воздухе круг пальцем.

– Это красиво, – упрямо заявила девчонка.

– Ни капельки, – уверенно сказала я.

– Спокойной ночи, ворчунья, – она послала мне воздушный поцелуй и удалилась, тихонько прикрыв дверь.

Катя подошла и села рядом, протянув мне тарелку:

– Устала?

– Немножечко, – ответила я, с охоткой принявшись за еду.

– Ты сегодня что-нибудь ела? – по-отечески тепло поинтересовалась подруга.

Я закатила глаза, силясь вспомнить. Сегодняшний день был бесконечен, а пролетел вмиг, впечатлений оставив на неделю вперед.

– Что-нибудь... – я неуверенно пожала плечами.

– Я так и знала, – покачала головой Катя и села рядом.

Следующие полчаса мы разговаривали, наслаждаясь тишиной и легкостью общения. Я знала, что, рассказав подруге всё, смогу освободиться от части эмоций, которые невероятно давят, разрывая меня изнутри. И правда, становилось легче, голова прояснялась, можно было приниматься за анализ фактов, полученных за день.

Что мне нравится в Кате, так это присущие ей спокойствие, размеренность. Она никогда не лезет тебе в душу, выживая секреты, тонко чувствует, о чем можно спрашивать, о чем не стоит. Редко навязывает мне что-то или навязывается сама.

Не выношу чересчур активных людей. Особенно тех, у которых будто в попе батарейка. Таким для счастья обязательно нужно позвонить тебе хотя бы раз в день, раз в неделю встретиться, раз в месяц вытащить тебя на люди. С ними не покидает постоянное ощущение, что тебя заставляют что-то делать против твоей воли. А мне почему-то шесть дней в неделю хочется, чтобы меня оставили в покое.

Не сказать, что я нелюдимая. Хорошо пошутить, смешно станцевать, рассказать историю на веселой вечеринке – это всё ко мне. Только загвоздка в том, что после всего этого мне нужно отдохнуть и подзарядиться. В тишине, подальше от суеты, в комфорте своей квартиры. А эти долбанные экстраверты стучатся в двери, звонят, приговаривая «О, она такая классная», хотим еще, еще. Им всё время нужно общаться, общаться, общаться. До взрыва мозга.

Как итог, я прячусь в своей скорлупе.

Объяснять свое состояние окружающим я пробовала. Чаще это создавало между мной и ними плотную стену непонимания, общение сразу сводилось на нет. Поэтому теперь я стараюсь не заводить новых знакомств, а старые связи давно оборвала.

Хорошо, что появилась Катя: невозможно совсем не общаться с людьми. А Катя, она... такая, как надо. Понимающая.

– Я такая дурочка, как же он меня обругал! – от неловких воспоминаний пришлось закутаться по сильнее в халат. – И правда, не стоило лезть в это дело. Просто я чувствую, что оно само не рассосется. Мне даже мерещится заговор: менты специально не шевелятся, им удобнее повесить убийство на Сеню. Улучшить статистику раскрываемости.

– Вероятно, у них недостаточно фактов, раз они до сих пор этого не сделали, – предположила Катя.

– Может быть. Но мы ничего не знаем. Надеюсь, что тот сыщик поможет. Он обещал воспользоваться своими связями, чтобы разузнать всё из первых рук. Видимо, в нашей стране сыскные агентства не занимаются делами об убийствах.

– Этого не знаю, я тоже не сильна в знании законов.

– Всё равно у меня нет денег, чтобы платить ему за расследование. А Сениных сбережений хватило бы на адвоката, когда понадобится.

– А что говорят веселые ребята с верхнего этажа? Они же юристы.

Я надула щеки и проворчала:

– Они гомики, но не дураки. Кирилл понес какую-то чушь, что юристы – это еще не адвокаты, что у него финансово-правовая специализация, а Даниил пообещал направить меня к нужному человеку. Им стало неудобно, они дергались и лепили отмазы. Мне так показалось. Но я могу и ошибаться.

Настроение Кати заметно испортилось.

– Ясно, – сказала она, вздохнув, – знать бы, какие у нас шансы. На месте Донских я бы уже давно выложила тебе на тарелочке всё, что знаю.

– Он мне не доверяет, – усмехнулась я. – Я вижу по глазам. Допускает возможность того, что я могу быть в курсе дела или прикрывать брата. Не знаю. У меня столько проблем, что не было возможности остановиться и подумать, разглядеть его хорошенько, понять, что он из себя представляет.

– Думаешь, он ходит за тобой по пятам, чтобы вытянуть из тебя всё, что знаешь?

– Вполне возможно. Но как женщина, – смутившись, я поправила прядь волос, упавшую на лицо, – вижу его влечение, интерес. Вероятно, он борется с самим собой. Как следователь, он, наверное, желал бы, чтобы в этом деле быстрее сложились все детали пазла. Закрывать и забыть. У него вагон работы, телефон разрывается, папка пухнет от бумаг и протоколов. А тут еще я, везде сующая свой нос. Напрягаю.

– Вот и шевелился бы, проверял все зацепки, рыл носом землю. Ведь очевидно, что стать вдруг героем в твоих глазах ему выгодно.

– И еще общается со мной как с ребенком. Вроде того: девочка, не лезь во взрослые дела, иди скушай мороженое, посмотри мультики, взрослые сами всё уладят.

– Ты могла бы совместить приятное с полезным, – улыбнулась Катя и развела руками.

– Коварная женщина, – рассмеялась я. – Спать с мужчиной, чтобы вытянуть из него сведения? Это далеко от моих романтических идеалов. Но звучит возбуждающе.

– Вот именно, – не унималась она, – представляю, как ты встаешь с постели ночью, тихо крадешься к его папке с бумагами, листаешь с фонариком в руке, сидя под столом.

– Ты насмотрелась дешевых шпионских фильмов! Думаешь, он всюду носит с собой важные документы? Маловероятно. Может, мне еще прийти к нему в отделение и обыскать кабинет? Эй, ребята, привет, оставьте меня одну в кабинете Донских! И не забудьте положить на стол ключи от сейфа, они мне пригодятся!

Теперь мы обе уже смеялись в голос. Я нащупала в складках покрывала пульт и включила телевизор.

– Я могла бы влюбить его в себя. Так, чтобы он расшибся в лепешку, но нашел убийцу. Или чтобы уничтожил все улики и снял подозрения с моего брата. Но заставить человека чувствовать к тебе что-то серьезное, воспользоваться, а потом дать от ворот поворот не в моих правилах.

– Значит, не обещай ему многого. Принимай ухаживания, станьте ближе, – она оторвалась от экрана, чтобы подмигнуть мне, – значительно ближе, но сразу обозначьте границы отношений.

Я втянула голову в плечи, как черепаха, и, помолчав немного, согласилась:

– Да, когда он рядом, мне хочется совершить что-то подобное. Я ведь не железная. Но пугает его взгляд: более вдохновенный, чем похотливый. Мне кажется, Донских по-настоящему увлечен. Он ухаживает, а не стремится первым делом затащить меня в койку. И он не парень на одну ночь, а это диктует другие правила игры. Любовь – это когда ты смотришь на человека и понимаешь, что не проживешь и дня без него. А когда я смотрю на Сергея, представляю, что будет, если я со временем перестану желать его с прежней силой и придется просто терпеть. Такое уже было, я знаю, о чем говорю. От этих мыслей мне не хочется даже начинать.

– О, пессимистка, – возмутилась подруга, хлопнув себя ладошкой в лоб, – я ей намекаю: у тебя давно не было мужика, кровь застоилась, так наплюнь же на приличия, завали этого жеребца прямо на этом диване и хорошенько...

– Не надо произносить при мне это слово.

– Какое?

– Которое ты собиралась сказать, – покраснела я.

– Вовсе нет, – прыснула со смеху Катя, – я собиралась сказать «отлюби».

– Я так и планировала сделать, но разве что в самых смелых своих фантазиях!

– Пресвятые угодники! Да я бы сейчас не отказалась от хорошего секса, но мне уже год никто его не предлагает. Станешь тут озабоченной!

– Я раньше не думала, что ты такая пошлая, – захихикала я, закрываясь подушкой.

Лицо Кати расслабилось и в одно мгновение приняло скорбное выражение:

– Я просто отчаянная, мне нечего терять. Целый год я делала всё, чтобы твой брат меня заметил. Нужно было просто набраться смелости и сказать как есть. Да – да, нет – нет. Это не так страшно. Гораздо страшнее то, что он лежит сейчас там, я готова сказать всё, что на душе, но он не услышит.

– Услышит, он обязательно очнется, даже не сомневайся.

– Я верю в это всем сердцем.

– Спасибо, что помогаешь мне. Дома, в больнице с мамой, с Ксюшей. Ты настоящий друг. Катя кивнула. Я осторожно похлопала ее по руке.

Мы сидели, молча смотрели сериал и думали каждый о своем. Внезапно дверь приоткрылась, в проеме показалась голова Даниила. Я мысленно обругала себя за то, что не закрылась на засов. Полоска света скользнула в гостиную.

Ужасно не удобно, когда в квартире нет прихожей. Ты сразу видишь входящего. Входящий сразу тащит грязь с ботинок и одежды в гостиную. Негигиенично. Зато если ночью придут тебя убивать, не придется выбегать в коридор. О чем это я?

Провалиться мне под землю, если он не явился ко мне в пижаме! Шелковой пижаме с брюками и рубашкой на пуговицах. На его ногах красовались замшевые красные тапочки, в руке была бутылка шампанского. Было заметно, что он уже снял макияж (да-да), очистил лицо освежающим тоником и нанес дорогуший ночной крем. Его кожа благоухала и дышала свежестью. Мы завистливо сглотнули слюну.

– Привет, крошки, я на пять секунд, – жеманно произнес он.

– Заходи.

– Мрачновато у вас!

– Ну, не ваш евроремонт, – буркнула я.

– Я вообще-то про свет! – Даниил обиженно вытянул губы в трубочку. – Принес вам бутылочку, у нас с Кирей небольшая дата, мы три года вместе.

– О, поздравляем! – торжественно произнесла Катя, выхватив бутылку и поставив на стол.

Я одобрительно кивнула головой.

– Мы три года вместе. Боже, какой срок! – сосед довольно закатил глаза и похлопал в ладоши. – Кстати, как там дела у Сени? Я ужасно скучаю по нему. Знаю, он меня недолюбливает, но я прощаю, такой уж у него характер.

– Он не недолюбливал, – возразила я, – просто ему не по себе от ваших обнимашек. У натуралов так не принято. Мне самой дико, когда я представляю вот эти ваши...

Я пошевелила в воздухе пальцами, искривляя их словно щупальца, и поморщилась.

– Ах, ты мерзкий гомофоб, – Даня вытаращил глаза и толкнул меня в грудь. – Я тебя прощаю, Саня, маме тоже понадобилось десять лет, чтобы привыкнуть. Папа так и не понял. Если бы ты знала, сколько чувственности и страсти таит в себе наша любовь, что я ощущаю, когда Кирилл...

– Без подробностей! – взмолилась я и закрыла уши руками.

– А я бы послушала, – произнесла Катя, но, поймав мой брезгливый взгляд, тут же поправилась: – Но, конечно, не стану.

– Как вы меня бесите, – нарочито сердито бросил Даниил, направляясь в сторону двери.

– Не обижайся, – усмехнулась я.

– И не подумай, – засмеялся он в ответ.

Остановившись возле вешалки с одеждой, Даниил попытался в темноте рассмотреть себя в зеркало и поправил пальцем брови:

– Ты так и не ответила, что с Сеней.

– Без изменений, – закусив губу, ответила я и навалилась на стену.

– Всё будет хорошо, я точно знаю. Он сильный мальчик, выкарабкается. – В его словах звучала твердая уверенность, на душе стало легче. – И еще. Кирилл мне сказал, что тот следак весь вечер тебя ищет. Приходил в шесть, потом в семь, в восемь, спрашивал соседей, заходил в квартиру твоего брата.

Я подбежала к сумке и достала телефон. Он не подавал признаков жизни. Попытки нажимать на кнопки ни к чему не привели. Покраснев с головы до ног, я воткнула зарядное устройство в розетку и подсоединила к телефону:

– Черт! Черт...

– Я не понял, – Даниил наклонился ко мне и посмотрел прямо в глаза, – Что-то происходит? Открылись новые обстоятельства по делу? Или ты что, роман с ним закрутила? С ментом?!

– Нет, – я отрицательно покачала головой.

Мне не давали покоя мысли, что же случилось. Почему Ксюша не сказала, что Сергей заходил к ним, о чем расспрашивал. Может, это было в отсутствие племянницы. Захотелось срочно расспросить его самого. Я нажимала кнопки, но телефон так и не включался.

Даниил не собирался униматься:

– Саш, я тебе сейчас вот что скажу. Без мужика, конечно, хреново, но это не повод сходиться с ментом.

– Да я знаю!

– Знает она, – проворчала Катя и игриво шлепнула по попе незваного гостя, – всё уже, иди, Киря нагрел тебе постельку.

– Я пойду, конечно, но учти...

Даниил не успел договорить фразу: дернув на себя дверь, он увидел на пороге хмурого Донских с телефоном в руке. Свет из подъезда ворвался в гостиную, шторы на окне затрепетали от сквозняка.

Бросив недовольный взгляд на соседа в шутовской пижаме, Сергей остановился глазами на мне. У меня во рту пересохло. Его глаза стали темными, зрачки расширились, дыхание сбилось, словно он бежал стометровку. Он беззвучно вздохнул. Наступила неловкая пауза.

Даниил, не в силах скрыть своего изумления, присвистнул. Ему начинало нравиться то, что он видел. Одобрительно кивнув пришедшему в знак приветствия, он быстро протиснулся к выходу. По пути его взгляд скользнул по мужественному подбородку следователя, остановился на широких плечах и опустил вниз. При виде крепкой попы служителя закона, обтянутой старыми джинсами, сосед открыл рот и охнул:

– Беру свои слова обратно!

Он так и удалялся, спиной вперед, не отрывая взгляда от могучей фигуры моего припозднившегося посетителя. Донских поежился, словно за спиной проползала змея.

– Добрый... эм... ночи, – бросила Катя, на ходу прихватив тарелку, – мне тоже пора удалиться.

Протиснувшись между Сергеем и стеной, она скрылась за дверью справа почти беззвучно.

Мы так и остались стоять на пороге в полутьме. Поймав взгляд Донских, я поняла, что стою перед ним в неподобающем виде и поспешила запахнуть полы халата. Плохо скрывая свое смущение, я опустила ресницы.

Он с интересом рассматривал мои волосы цвета спелой пшеницы, словно никогда до этого не видел их распущенными. Они уже высохли после душа, спадали волнами вниз, завиваясь на концах в небольшие упругие колечки и доставая почти до плеч.

– Не слишком поздно для официального визита, майор? – хрипло сказала я и отошла назад, уступая ему дорогу.

8

Прикрыв за собой дверь, Сергей ловким движением ног избавился от ботинок и прошел. Про себя я отметила, что он успел переодеться. Теперь на нем были достаточно обтягивающие, но не слишком узкие джинсы горчичного цвета, серая футболка, еле сдерживающая натиск мускулов, и простенькая куртка. В слабом свете телевизора его лицо выглядело гладко выбритым. Повесив куртку на вешалку, он подошел ближе, и я почувствовала себя слабой и беспомощной как никогда.

– Не нужно паясничать, я пришел к тебе как друг.

– Сомневаюсь, что нам удастся подружиться, – съязвила я.

– У тебя выключен телефон, я переживал. Зная твою страсть к авантюрам...

– Он просто разрядился. – Я скрестила руки на груди. Мне начинал надоедать его отеческий тон в общении со мной. – Какие новости о ходе расследования?

– Новости есть, я обязательно поделюсь с тобой. Вижу, как ты напряжена. Я сегодня весь день думал... Нам нужно поговорить, – почти шепотом произнес он.

– Да уж, пора заканчивать эту игру в гляделки, – усмехнулась я, отошла от него и села прямо на пол перед телевизором, наклонив голову на диван.

Между нами было слишком много электричества, чтобы можно было вот так просто стоять в темноте на расстоянии вытянутой руки. Немного помедлив, Сергей опустился на колени и устроился рядом. Я почувствовала приятный аромат, исходивший от него.

По телевизору показывали какую-то мелодраму с бесконечными стенаниями главной героини. Оторвавшись от экрана, я взглянула ему в лицо:

– Тебя, наверное, ждут дома в такой час.

– Вообще, я на дежурстве, – смутился он, пошарил у себя в кармане и проверил, включен ли телефон, – но дома меня никто не ждет. Я свободен... от каких-либо отношений, если ты про это.

– Нет, это меня совершенно не волнует, – с напускным спокойствием ответила я.

– Мне нельзя сейчас быть здесь, – его глаза продолжали меня разглядывать. Отражаясь в них, я ощущала себя красивее, чем на самом деле.

– Я тоже не в восторге от того, что сижу здесь с тобой.

– Ты очень сильно похудела за эти дни, Саша.

– Не уходи от темы. – Я потянулась и кончиками пальцев зацепила бутылку шампанского. Она все еще была холодной. Ловко поймав ее на лету, я оторвала фольгу и открыла пробку. Сергей был ошеломлен моим поведением, но оправдываться было не в моих правилах. Ужасно хотелось пригубить игристый напиток и забыться.

Мне было все равно, что я совершаю очередную ошибку. Пробка взлетела к потолку.

Убрав ладонью влажные капли с внешней стороны бутылки, я пригубила шампанское, сделав сразу три жадных глотка. Присутствие этого мужчины щекотало нервы: предстояло разобраться в своих чувствах к этому человеку. Разочарование, злость, сожаление, обида отходили на второй план, уступая место нахлынувшему, сносящему всё вокруг как лавина влечению. Чувствуя, как нарастает во всем теле тепло, я глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы успокоиться.

– Я ничего о тебе не знаю. – Мне пришлось сделать усилие, чтобы повернуться и посмотреть ему в глаза. – Стоит ли тебе доверять? Какие у тебя планы? Мы с тобой, кроме убийства, ни разу даже ни о чем отвлеченном не разговаривали! Но ты приходишь каждый день, приносишь пакеты с едой, сидишь здесь со мной, а на часах, между тем, почти полночь. Если посвящать в ход расследования заинтересованных людей – это не по правилам, то почему ты

нарушаешь эти правила здесь и сейчас? Ты проводишь время с сестрой подозреваемого. Это крайне не профессионально. Какого хрена ты делаешь, Донских?

Сергей пригубил шампанское и шумно выдохнул. Должно быть, мои слова прозвучали слишком грубо. Сжав губы, я отвернулась к окну. Мои глаза готовы были наполниться слезами, сердце часто стучало.

– Что ты хочешь, чтобы я сказал? – Он взял меня за руку и развернул к себе. – Я сам не знаю, какого черта делаю! Между нами столько недосказанности. Так давай всё обсудим. Ты мне не доверяешь, и я знаю, что сам виноват в этом. У меня скотская работа, которая не приносит ни удовольствия, ни приличных денег, но отнимает почти всё время. Работая над делом, я всегда поступаю так, как привык и как велят инструкции. И тут посреди этой серости, мерзости и рутины появляешься ты. Такая красивая и упрямая! И я не знаю, как мне поступать, голова отключается, когда вижу тебя. Постоянно думаю о тебе, и мне безразлично, что будет с тобой и твоим братом. Я забросил всё и занимаюсь только этим делом. Ты это хотела услышать?

– Да, – я потянулась и забрала шампанское из его рук, – только почему нужно было мучать меня столько? Ты не представляешь, что я чувствовала всё это время! Ночуя в больнице на стульчике, не зная, выживет мой брат или нет. А ты приходил каждый день и задавал мне одни и те же вопросы, словно я должна была расколоться, сознаться тебе во всем. Потом эти обыски! Ты нашел что-нибудь? Нет! Вот и я сразу тебе говорила, что мой брат не встречался с этой девушкой.

– Ты должна успокоиться и трезво оценивать факты. Не спрашивай, если не готова услышать правду. Всё очень серьезно: сосед опознал машину твоего брата. Она останавливалась под окнами подъезда Яковлевой в тот вечер.

– Этому должно быть объяснение! – Я резко выпрямилась. – Расскажи мне всё, чтобы я могла составить своё собственное мнение. Ты должен...

– Успокойся, я верю тебе, – он оборвал меня на полуслове, – и я расскажу тебе обо всем, чем сейчас располагает следствие.

– Не тяни.

– Марию Яковлеву нашли на полу в собственной спальне. Убийца душил её, а когда она потеряла сознание, нанес ей множественные удары колюще-режущим предметом в область груди и низа живота. – Он очертил рукой нужную область на своем теле. – Отпечатки пальцев твоего брата обнаружены на полу возле ее тела и на ручке входной двери. На одежде и руках Арсения Беляева также есть следы крови жертвы. Поиски орудия убийства продолжаются. В первый же день мы прочесали все парки, газоны и обочины по пути следования его автомобиля до аварии. Ничего не нашли. Орудие удушения также найдено не было.

Кровь пульсировала в моих висках. Я приподнялась с ковра и посмотрела на Сергея. Он выглядел таким же растерянным, как и я. Всё выстроилось против Сени, будь он в сознании, давно бы сидел в камере под следствием. Сердце сжалось от страха.

– Нужно выяснить, зачем он пошел к этой девушке. Помоги мне, Сереж, я совсем одна против всего мира. Поверь, что Арсений не мог этого сделать ни при каких обстоятельствах.

– В этой истории не всё стыкуется, где-то подвох, я сам чувствую это. На тумбочке лежали права твоего брата. Точнее, обложка для документов с правами внутри. Зачем оставлять такие следы, если убиваешь и сбегаешь с места преступления?

Меня вдруг осенило:

– Да, я помню эти корочки. Кожаный переплет с кармашками для документов. Это я дарила их Сене несколько лет назад. Брат не воспринимает никаких борсеток, кошельков. Вечно толкает в задние карманы джинсов всю мелочовку, туда же деньги, ключи, документы. С чего бы ему оставлять права у нее на тумбочке?

– А если у них тогда был интим? – предположил Сергей, потирая висок. – Судмедэксперт подтвердил, что днем или вечером того же дня убитая добровольно вступала в половую связь. Возможно, он раздевался в ее спальне, поэтому и оставил права на тумбочке.

– Думаю, я бы знала, если бы у Сени была девушка.

– Если эти отношения подразумевали только секс, ты могла и не знать.

– Сеня не из тех, кто ходит по проституткам!

– Мы не нашли доказательств того, что она была проституткой. Вероятно, после Усика она встречалась с кем-то другим. Нужно выяснить, с кем, если не с твоим братом.

– Я не видела, чтобы мой брат постоянно выезжал куда-то. Он все свободное время проводил с дочкой.

– Еще один аргумент в пользу их отношений: в тумбочке убитой нашли кольцо твоего брата. На нем отпечатки убитой Марии Яковлевой, но благодаря гравировке принадлежность почти не вызывает сомнений. Я хотел завтра показать его тебе.

– Мой брат давно не носит обручального кольца.

– Оно не обручальное, – покачал головой Сергей, – скорее больше похоже на печатьку небольшого размера с гравировкой в виде буквы «А».

– Буквы «А»? – мое лицо вытянулось от удивления. – Я никогда такого кольца у Сени не видела!

– Вот это уже интересно, у меня все руки не доходили его тебе показать, – нахмурился Донских.

– Ты уверен, что оно мужское?

– Абсолютно.

– Тогда мне нужно его увидеть.

– Увидишь.

– Спасибо. – Я сделала глоток шампанского и на секунду прикрыла веки. – А что насчет Усика? Ты же не поверил его словам?

– Нет. Возможно, у него был мотив убить ее.

– Нужно больше раскопать про этого мужика с волосатой грудью. Вдруг он был в тот вечер у нее, значит, там могли остаться его отпечатки. Его алиби не поддается проверке, к тому же он явно нервничал, разговаривая с нами. Я из него душу вытрясу, но узнаю...

– Хорош, Шерлок, – рассерженно произнес Сергей, – давай я сам займусь этим завтра? Саш, нам с тобой нужно договориться. Я занимаюсь убийством, ты сменишь маму в больнице или займешься племянницей. Ты им очень нужна. А взрослыми мужскими делами будут заниматься серьезные мужчины с пистолетом в кобуре.

– Ни за что! Я уже говорила, что не буду сидеть сложа руки.

– Ты не понимаешь всей серьезности! Если кто-то узнает, что ты препятствуешь ведению следствия, будет плохо и тебе, и мне, и в особенности твоему брату.

– Занимайся своей работой, майор, я тебя поняла, но не могу обещать тебе, что с завтрашнего дня застыну на месте и буду ждать у моря погоды. Не нужно следить за мной. И не пытайся мешать.

– Я бы не дослужился до майора, если бы слушал сопливых девчонок, мешающихся под ногами.

– Ау, – взорвалась я, – девчонке уже под тридцатничек! Не стоит даже пытаться командовать мной.

– Я просто беспокоюсь о тебе. И твои родные тоже беспокоятся! Ты должна подумать о них. Жена Арсения пообещала позаботиться о тебе, помогать во всем.

– Жена кого? – меня передернуло от возмущения.

– Ольга, – спокойно ответил Сергей. – Она представилась его женой сегодня. Сказала, что слово «бывшая» ничего не значит, когда происходят такие трагедии. По ней было видно, что она очень переживает.

– Переживает?! – взревела я. – Да она ни разу не была в больнице у Сени! Она только сегодня сюда переехала!

– Честное слово, так и было. Правда, на секунду мне показалось, что она флиртует со мной, но потом я списал всё на ее эмоциональное состояние.

– О, поверь, так и было. Эта особь охотно флиртует со всем, что движется. Будь у тебя полные карманы денег, заводы и пароходы, ты бы не вышел оттуда просто так. Взяла бы в оборот, не успел даже понять, что к чему.

– Не в моих правилах спать с малознакомыми женщинами, – усмехнулся он и отрицательно покачал головой.

– Даже если она разденется и кинется тебе на шею?

– Послушай, она не в моем вкусе, – этот спор потихоньку начинал напрягать его.

– Давай я сейчас промолчу, как вы, мужчины, реагируете на соблазнительных блондинок в полупрозрачном пеньюаре.

– Ты меня совсем не знаешь.

– Сейчас мне придется сказать что-нибудь банальное про то, что вы, мужчины, все одинаковые, но я промолчу, потому мне нужно успокоиться, – на самом деле в этом-то меня точно было не переубедить. Я махнула на него рукой и жадно припала к бутылке.

– Ты ошибаешься, – не унимался он. – Если мужчина увлечен определенной женщиной, остальные перестают для него существовать. И вообще, вся эта отповедь походит на сцену ревности.

– Ради бога! – рассмеялась я, сотрясаясь всем телом.

– Давай поговорим как взрослые люди. Ты мне безразлична, и я не хочу ругаться.

– Сейчас ты скажешь красивые слова, что увлечен мной, и какая я... воздушная, милая, нежная... дальше придумай сам. Если бы ты мне не понравился, ты бы не прошел дальше двери ни сегодня, ни в первую нашу встречу. – Я отложила бутылку и наклонилась к нему так близко, что могла ощущать его прерывистое дыхание. Алкоголь изрядно ударил мне в голову, и это уже не имело значения. – Я не знаю о тебе ничего. И не хочу знать на данном этапе, потому что не могу предложить тебе большего, чем один раз доставить друг другу удовольствие. Всё честно. Ты можешь встать и уйти, я большая девочка и не обижусь. Или отбросим ненужные слова...

– Саш, – он остановил меня рукой, – по-моему, ты пьяна. Этот цинизм тебе не к лицу. Давай не будем начинать отношений вот с этого. Ты будешь жалеть.

– Давай совсем не будем начинать никаких отношений, мне это сейчас не нужно. – Я улыбнулась и медленно передвинула его руку с моего плеча чуть ниже. – Взрослым людям совершенно не обязательно тратить время на романтические слова, они твердо знают, что хотят друг от друга.

– Это не то, зачем я пришел. – Сергей оставался непреклонен, он держал меня на расстоянии вытянутой руки и казался разочарованным. – Ты всё неправильно поняла, и вообще я не ожидал от тебя...

– Поверь, тебе не нужны отношения со мной. Я жутко ревнивая, нервная, занудная... Самое лучшее, что я могу дать, ты можешь получить здесь и сейчас.

Я медленно развязала халат, переместив его горячую ладонь прямо на мою обнаженную грудь, и придвинулась ближе. В немом удивлении Донских смотрел на свою руку. Его грубые пальцы скользнули по моим соскам, кожа под ними сразу покрылась мурашками.

– Не будем отвлекаться на болтовню, – быстрым движением я откинула волосы назад и прикоснулась кончиками пальцев к его губам. – Слова сегодня ничего не значат. Есть только ты и я.

Мне не терпелось перейти к делу. Жар спустился и теперь тлел между ног. Донских пригнул мое лицо к себе и на секунду замер. Его зрачки были расширены, взгляд напряженно следил за моими губами.

В моей голове царил какой-то туман, густой, плотный, спутывающий мысли. Веки отяжелели, ресницы трепетали от его прикосновений.

Наконец, Донских сдался и жадно вонзился в мои губы. Его поцелуй был решительным и настойчивым. Это было восхитительно. Хватая меня за волосы, он, словно обезумевший, сильнее и сильнее впивался в мои губы. Я отвечала ему со всей страстью, накопившейся за дни одиночества.

Втягивая носом воздух, я опустила руку и сжала его бедро. Продвинувшись выше по кромке джинсов, моя ладонь нащупала твердый бугорок между его ног. Сергей подхватил меня под ягодицы и с силой прижал к себе. Едва ли не со стоном я открыла глаза и быстрым движением сдернула с него футболку. Прильнув к моим губам с новой силой, Донских помог мне освободиться от халата.

Разум больше мне не подчинялся, тело жило своей жизнью, я задыхалась от возбуждения. Его губы уже целовали мою грудь, прикосновения обжигали кожу настолько, что хотелось кричать. Я откинула голову назад, позволяя ему торопливо покрыть мой живот поцелуями. Добираться до спальни было бессмысленно, не хотелось прерывать эту сладкую муку. Я готова была кончить от одних только его прикосновений.

– Ты не пожалеешь? – спросил он, задыхаясь.

– Замолчи, – хрипло ответила я и закрыла его рот поцелуем.

Мне хотелось, чтобы он быстрее навалился сверху и глубоко вонзился в меня. Хотелось слиться с ним, став единым целым, сойти с ума от накатившей страсти.

Он скользнул пальцами по кружевным трусикам, ощутил, как там все набухло, стало горячим и влажным. Я умоляюще застонала и помогла снять их, ловко вращая бедрами. Меня целиком пронизывали жаркие молнии, заставляющие стискивать зубы, глаза затуманились от предвкушения.

Откинувшись на ковре, я наблюдала, как он, возвышаясь надо мной, наспех сдергивает джинсы и трусы. Его фигура в свете луны казалась еще мощнее, плечи шире, руки казались сильными и мускулистыми. Он вынул из кармана маленький пакетик, надорвал зубами и надел резинку. Ожидание сводило с ума. Тяжело дыша, я запрокинула голову и впилась руками в ворс ковра.

Он наклонился, прижав мои руки к полу, не торопясь поцеловал в губы, медленно провел языком по шее и, дразня, прикусил мочку уха. Я непроизвольно выгнула спину. Видя, как мое тело отвечает на его ласки, он, гордый собой, довольно ухмыльнулся.

Опускаясь ниже, продолжая удерживать мои руки, Сергей касался губами разных частей тела, едва не причиняя мне боль. Я нетерпеливо застонала, извиваясь. Он посмотрел в глаза, осторожно раздвинул мои ноги и резко вошел. Волна прокатилась по всему телу, заставив меня застонать еще раз.

Этот жесткий ковер нравился мне даже больше, чем мягкие простыни с цветочками и мишками. Спина горела, покрываясь испариной. Нас трясло обоих, мышцы от трения ходили ходуном. Его руки мяти мою спину, желая придвинуть еще ближе, сжимали ягодицы, путались в волосах. Я металась по ковру, закусывая губы. Мне не хотелось, чтобы он останавливался. Сергей ненадолго отпускал мои влажные губы, чтобы посмотреть в глаза, и снова со вздохом припадал к ним, наращивая темп движения.

Моё тело наполнил тягучий жар, рвущийся наружу. Зажмуривая глаза, я впилась пальцами ему в плечи. Донских сделал резкий толчок и почувствовал, как всё напряглось внутри меня. Обвив его бедра ногами, я сильно выгнула спину. Меня накрыл острый, короткий и осле-

пительный оргазм. Такой сладкий и болезненный, что почти свело ноги. Широко распахнув глаза, я выдохнула и задрожала. Тело сотрясали конвульсии.

Сергей почти полностью вышел из меня, наслаждаясь увиденным, затем вошел резко и глубоко и тотчас кончил, сжав мои плечи. Дернувшись, он упал на меня без сил. Его лоб, покрытый капельками пота, скользнул по моей щеке, оставив влажный след. Он перекатился, боясь раздавить меня, и лег на спину рядом.

Я осторожно выдохнула, пытаясь прийти в себя. Донских лежал, сомкнув глаза, и тяжело дышал.

Испытывая благодарность за доставленное удовольствие, я дотянулась и погладила пальцами его руку. Мне захотелось поцеловать его еще раз, но в голове промелькнула картинка, как мы идем, держась за руки по улице, и сразу стало не по себе. Я хотела только секса и его получила. Не хотелось разбивать ему сердце. И впредь нужно осмотрительнее выбирать партнеров для разрядки: менее впечатлительных и увлеченных.

Донских приоткрыл глаза, и его губы сложились в кривую усмешку:

– Теперь выгонишь меня?

На моих губах играла загадочная улыбка. Он повернулся и погладил мои волосы, затем провел ладонью по влажному бедру.

– Нет, – почти шепотом ответила я, – сейчас всё быстренько повторим, потом я соберу твою одежду, суну тебе в руки и скажу, что тебе пора. Возможно, провожу до двери.

Он притянул меня к себе, и я охотно ответила на его поцелуи. Желание нарастало вновь, хотелось, чтобы он схватил меня в охапку и отнес на кровать.

Я чувствовала себя дешевой шлюшкой, но совесть обещала проснуться только завтра.

9

Как приятно просыпаться утром после бурной ночи! Жизнь прекрасна, птички поют, а ты красива, словно Рапунцель, даже без косметики, даже в семь утра. И почему это все не про меня?

Настенные часы показывали немногим более семи часов. Сбросив одеяло, я встала и, шатаясь, побрела в ванную. Всё тело болело, ужасно ныла голова. Раздеваясь, я заметила себя в зеркале, бледную и с черными кругами под глазами. Волосы сильно пушились и торчали в разные стороны. Губы распухли и выглядели неестественно.

Крутанув барашек смесителя, я услышала скрип, кран затрясся и, вскоре из него под напором вылетела струя холодной воды с оттенком ржавчины. Пришлось подождать, пока она нагреется. Я залезла в ванну. Горячая вода подействовала на меня отвесляюще.

Сев на колени, я направила струю себе прямо в лицо. Мозг тихонько включался в работу всего тела, мышцы приходили в тонус, но в висках еще неприятно пульсировало.

После душа я чувствовала себя значительно лучше. Окно в комнате оставалось открытым всю ночь, поэтому дышалось довольно легко. В помещении стоял аромат сирени и свежести майского утра. Сняв телефон с зарядки, я поставила чайник на огонь и принялась подбирать разбросанные по всему ковру халат, кружевные трусы, тапочки. Выкинула в мусор опустошенную бутылку из-под шампанского, застелила постель.

Только включившись, телефон завибрировал как сумасшедший. Десятки сообщений, уведомлений о пропущенных звонках множились с каждой секундой. Заварив кофе в чашке, я присела, чтобы ознакомиться с их содержанием.

Короткое слово «Офигеть» – это полуночное сообщение от Кати. Видимо, реакция на визит Сергея. Очень в ее духе.

«Доброе утро, как дела» от Донских, от него же двенадцать пропущенных со вчерашнего дня. Отвечать я не стала. Не было настроения, да и не хотелось давать напрасных надежд. Пролистав дальше, обнаружила два звонка от мамы, один с незнакомого номера, три с работы.

Придав волосам божеский вид с помощью мусса и расчески, я удобно расположилась на стуле и набрала номер Инессы Аркадьевны, моей начальницы.

– Александра, выходи на работу, ты нужна мне срочно, – безапелляционным тоном сообщила она.

Инесса Аркадьевна, дочь хозяина фирмы, была слоноподобной женщиной лет сорока с бледной кожей и короткими ногами. У нее был тяжелый, пробирающий взгляд властного человека, холодный и пронизывающий тебя насквозь. При разговоре всегда казалось, что она тебя знает, лучше тебя самой. Никто никогда не видел ее улыбающейся. Все отчаянно лебезили, пытаясь ей угодить, и никто не смел сказать ей и слова наперекор.

Из трубки доносилось её тяжелое дыхание. Я даже представила, как она нетерпеливо барабанит своими пухлыми пальцами по столу.

– Доброе утро, – спокойно произнесла я, – Инесса Аркадьевна, но у меня отпуск за свой счет. Семейные обстоятельства.

– Я тебя жду, – буркнула она, – отменяй свой отпуск. Работать некому, мы теряем время и деньги.

– Послушайте, – мне стало очень трудно сохранять спокойствие, – я сейчас никак не могу выйти. Поищите мне замену на время. Пожалуйста!

– Александра, нельзя же быть такой безответственной! Мы все носимся по офису, отвечаем за тебя на звонки, сами обслуживаем себя за обедом. Ужасно неприятно. Да и делопроизводство стоит! На твоём столе уже гора бумаг, некому даже напечатать приказы. От тебя ни слуху ни духу, приходится еще искать, вызванивать с утра пораньше.

Глотнув обжигающе горячего кофе, я поморщилась и вздохнула:

– Инесса Аркадьевна, поймите, у меня обстоятельства...

– Какие могут быть обстоятельства, здесь работать некому!

– Вы меня простите, конечно, но по этой причине я уже три года в отпуск не хожу! Потому что вы не можете найти мне даже временную замену. Возвращаюсь с больничного, меня все ненавидят. Волком смотрят, разговаривать не хотят. Остальные сотрудники и правда не обязаны бегать каждый пять минут в приемную, чтобы снять трубку и ответить на звонок. Но я тоже человек! Мне необходимо иногда отлучаться, болеть, отдыхать, да и я не получаю у вас миллионы, чтобы требовать с меня сверх меры!

– Александра, ты получаешь ровно столько, на сколько выполняешь свои обязанности! Если ты этого не ценишь, мы найдем человека, который будет ценить. Я предлагала освободить тебя от уборки офиса и платить из твоей зарплаты уборщице, ты сама не согласилась, теперь возмущаешься.

– Что-ж, будь по-вашему, – я встала со стула и подошла в окно. – Попробуйте найти идиота, который станет совмещать пять должностей за такие копейки! И в приемной подай-принеси, и делопроизводство, и кадры, и уборщицей. Кто захочет бежать в семь утра в магазин, потом накрывать стол для вас и сотрудников, потом мыть за вами чашки, бежать драить полы и так три раза в день?! Потом еще выслушивать, почему не успел выполнить основную работу! Обучайте его полгода, и он убежит от вас как от чумы, раз не умеете ценить и уважать своих работников.

– У тебя что, голос прорезался? Все вы приходите молодые, нахальные, мните о себе невесты что, сразу хотите быть начальниками! – рявкнула Инесса, задыхаясь от гнева.

– Я за все эти годы просила только об одном – о минимальном уважении ко мне, – возмутилась я, – если вы нанимаете кого-то, то не значит, что берете в рабство.

– Ты получишь такую запись в трудовой книжке, что не сможешь никуда устроиться, облевившаяся нахалка!

– Облевившаяся? – засмеялась я. – Заметьте, я вас не оскорбляла. Да я пахала на вашу начальствующую задницу как конь все эти годы! Недосыпала. И что заработала? Только головные боли и нервный тик. Что я получила взамен? Унижения? Хорошо бы терпеть из-за денег. Да на мою зарплату нормальной квартиры не снимешь! Приготовьте мне расчет и компенсацию за отпуск, я сегодня подойду с заявлением.

– Ты не получишь не рубля! Какая наглость!

– Вполне себе законное требование.

– Еще и отработаешь две недели как миленькая!

– Посмотрим, что на это скажет госинспекция по труду и мой адвокат. Я не отстану, пока не получу всё до последней копейки.

– Только попробуй появиться здесь! – взревела Инесса, задыхаясь от возмущения.

– Тогда пришлю вам судебных приставов за своими деньгами, всего хорошего!

С глубочайшим удовлетворением я повесила трубку. Поговорили так поговорили. Шикарное начало дня.

Меня немного потряхивало, но на губах медленно расплывалась довольная улыбка.

Крепостной, натерпевшийся от барина, наконец, получил вольную – вот как я себя ощутила. С плеч упал тяжелый груз, можно вздохнуть свободнее. Недельку пожить с ощущением невероятной легкости, прежде чем переходить на хлеб и воду в целях экономии и изводить себя поисками новой работы.

И всё-таки я почувствовала себя победителем! Страшен тот человек, который долго молчит, терпит, а потом вдруг взрывается как вулкан. Если бы наш с Инессой разговор произошел в офисе, я бы не ограничилась короткими фразами. Заставила бы её краснеть и вздуться от

злости, как большая круглая помидорина. Она бы многое о себе узнала. Но получилось, как получилось. И так тоже неплохо.

Допив кофе, я немного успокоилась, но пальцы еще приятно подрагивали от пережитых эмоций. Предстояло составить хотя бы примерный план действий на день. В голове куча идей. Сперва стоило бы навестить брата. Ужасно не хватает его утреннего брюзжания и нудных нравоучений.

Сдвинув вбок вешалки с платьями, я остановила свой выбор на удобных светлых брючках, мягких кожаных мокасинах и тончайшем свитере цвета пудры. Офисная одежда мне еще долго не пригодится, а в этом комплекте вполне комфортно можно будет провести целый день.

Торопливо перекинув ремень сумки через плечо, я вышла.

Мама трудилась над вязанием, время от времени поправляя очки, висевшие на кончике носа. Она могла сидеть так целый день. Никто не имел понятия, какие мысли бродят в ее голове. Ее лицо казалось сосредоточенным и умиротворенным одновременно.

Она подняла голову и посмотрела на меня из-под бровей:

– Саш, всё нормально, не переживай, я вчера уже ездила домой, и сегодня это делать совсем не обязательно. Хорошо, что врачи позволяют мне здесь находиться. Несколько дней, пока Сеня был в реанимации, проспять на жесткой скамье в коридоре приемного отделения – вот что было тяжело. А сейчас просто райские условия.

– Мам, за братом хороший уход, тебе не обязательно находиться здесь круглые сутки. Хочешь, после обхода вызову тебе такси до дома? Я могу побыть здесь сама, о новостях буду докладывать тебе каждый час.

– Если он очнется, мне нужно быть рядом, – она протестующе замотала головой. И в этом было наше сходство. Упрямые, способные стоять на своем и спорить до хрипоты. – Лучше смотри за Ксюшей. Конец года, нужно готовиться к экзаменам, больше заниматься. Проверь, что у нее с отметками.

– Насчет Ксюши... Такое дело... В общем, Ольга вернулась. Пришла вчера с чемоданами. Видимо, выгнали с той квартиры, которую снимала в центре. Поселилась у них. Я пыталась не пускать ее, но чуть не дошло до драки.

Мама развернулась ко мне и сняла очки:

– Это же хорошо. Ребенку всегда лучше с матерью. Теперь я буду спокойна, что она под присмотром, сыта и не прогуливает школу.

– Ох, ты так и не научилась разбираться в людях, мама.

– Всегда нужно давать человеку второй шанс, Саша, – она вернулась к вязанию.

– Не все люди его заслуживают, тебе ли не знать. Но спорить я не буду. – Я повесила сумку на стул и села возле кровати брата.

Его голова и половина лица были перевязаны бинтами, руки безвольно вытянуты вдоль туловища, сильные некогда плечи покрыты ужасными кровавыми гематомами и глубокими порезами. Каждый день их обрабатывали медсестры под чутким руководством врачей. А вот щетиной уже стоило бы кому-нибудь заняться. Светло-русые волоски над губой и на скулах отросли почти на полсантиметра и почти перестали быть колючими на ощупь. Еще неделя, и начнут завиваться.

В кислородной маске со сложной комбинацией из трубочек и лейкопластыря Сеня казался таким беззащитным и хрупким. Над ним нависли страшные обвинения, а он не мог даже слова сказать в свою защиту. Знать бы, что произошло в тот день. Как он оказался у этой девушки? Кто она и как они связаны?

И почему нельзя проникнуть к нему в голову... Невозможно вот так сидеть на одном месте, как требует того Донских, вязать, читать молитвы, смотреть в потолок. Такое точно не для меня.

– Глиняная башка, – я погладила его по щеке, – ты чего, решил меня бросить? Ты же никогда не оставлял меня одну. Проснись.

Ответа не последовало. Арсений продолжал лежать неподвижно, лишь только приборы, контролирующие показатели жизнедеятельности, монотонно попискивали в такт часам на стене.

– Лечащий врач надеется на скорый прогресс в его состоянии, – тихо произнесла мама, закусив губу, – их радует реакция его мышц на тесты. Вчера мне даже показалось, что он что-то пробормотал. Бессвязно, но, кажется, это были слова. Не думаю, что медсестра мне поверила, по ее мнению, это был просто шумный выдох. Возможно, я выжила из ума, но он точно шевельнул губами.

– Его мозгу просто нужно время, чтобы восстановиться. Когда это произойдет, он вернется к нам, – я легонько сжала его руку. – Сеня, вставай, слышишь? Хватит уже валяться. Ты нам всем очень нужен тут. Когда завтра приду, я хочу видеть, как ты смотришь на меня.

– Врачи настраиваются на благоприятный прогноз течения болезни. Так мне вчера сказали.

– Я очень на это надеюсь, мама. Лишь бы он был жив, а уж мы-то его выходим! Любого.

– Ты совсем исхудала, дочь, займись для начала собой. Одни глаза на лице остались. Тебе не помешало бы выспаться. Вернись на работу, иначе потеряешь место, а здесь я сама справлюсь.

Мне стало неловко при упоминании о потерянной должности, но я не собиралась пока посвящать в это маму. Достаточно с нее переживаний.

– Хорошо, – я подошла к старой раковине возле стены и посмотрела в зеркало.

– Девочки твоего возраста все уже почти замужем, дочь.

– И что с того?

– Пора заняться собой, Саша.

– Мам, ты не нашла лучше времени для разговора, как сейчас в больнице?

Она продолжала не спеша орудовать спицами, почти беззвучно и не глядя в мою сторону.

– Не злись на меня. Кто еще скажет, если не я.

– Я и так все знаю.

– Тебе стоит научиться быть женственнее, мягче. И не разбрасываться мужиками.

– Это ты кого имеешь в виду? – я села обратно на стул возле Сениной кровати и погладила его руку.

Мне был неприятен весь этот разговор. Будучи в некотором роде замкнутым человеком, я хоть как-то могла иногда потерпеть разговоры о работе, но личную жизнь не собиралась обсуждать ни с кем. Зная, что мать собирается завести старую шарманку про мои постоянные неудачи во всем, я заранее напряглась и выпрямила спину.

Сеня наверняка рассказал маме, что мы с Мишей разъехались. Чертов болтун! Может, даже упомянул, что я ходила на свидание. Пару раз. С таким же неудачником Егором из хреного-знает-какой-то-там жилконторы. Не люблю вспоминать об этом.

За ужином в кафе я целый час пялилась в окно на счастливую парочку, стоящую вместе под одним зонтом на мостовой. Шел сильный дождь. Они были веселые и влюбленные, заметно стеснялись друг друга, но улыбались и флиртывали. Девушка стучала зубами от холода и прижималась ближе к своему кавалеру. Наверняка первое свидание: эмоции, притяжение, захватывающее дух.

Я не могла оторваться от них и совершенно не слушала, что мямлил себе под нос этот жилконторщик, ковыряясь в салате. Мне не хотелось затащить его к себе домой, соблазнить, заняться сексом. Хотелось смыться. Смыться подальше и побыстрее. Поэтому на следующий после того ужина день я плавно перестала отвечать на его звонки, не перезванивала, а потом и вовсе заблокировала.

– Не важно, – мама невозмутимо продолжала колдовать над пряжей, изредка отдергивая нитку. – Просто в твоём возрасте нужно цепляться за хорошего мужчину, нужно ценить, не выпячивая вперед своё эго. Твои шансы встретить такого же порядочного парня, как Миша, улетучиваются с каждым годом.

– Мамочка, – я искренне улыбнулась, глядя на нее. – Ты только не придумывай мне проблемы, которых у меня нет, хорошо? Я понимаю, что ты заботишься о своей стареющей дочке, но ведь от таких слов я могу испугаться и броситься на шею первому встречному.

Я рассмеялась от всей души. И Сеня бы тоже рассмеялся, будь он в сознании. Он всегда относился ко мне как к ребенку. А вот Мишу терпеть не мог, либо огрызался на него, либо проходил мимо, словно того не существует. Только сейчас я понимала, какой удачей было избавиться от Миши-диванодава малой кровью. Давит, наверное, сейчас чей-нибудь диван, жрет пельмени и котлеты, смотрит телевизор с бутылкой пива и не утруждает себя поработать ершиком после того, как нагадит.

Меня передернуло.

– Саша, ты бросай уже эти свои сентиментальные романчики, книжки о любви и прочую беллетристику. Поверь, принца на белом коне уже не будет. И точно не в этом городе. Оглянись, сколько вокруг нормальных земных мужчин. Тебе пора выходить замуж, рожать детей. Кому нужна будет через пару лет тридцати с хвостиком лет стареющая тетя? – Взглянув на меня из-под бровей, она поправила очки. – И перестань смеяться. Я говорю серьезные вещи! Кто тебе еще скажет правду, если не мать?

– Мам, сейчас другие времена, – попыталась оправдаться я, сдерживая смех, – не подгоняй меня, пожалуйста. Как случится, так и случится. Не найду, буду жить одна, заведу десять кошек!

– Хоть бы губы накрасила, Саш! Ну, кто на тебя такую серую взглянет?

– Да не идут мне ваши губы, – рассердилась я. – Хватит, мам, честно! Я чувствую себя юной, выгляжу так же, всё натуральное. Что еще надо? Я никогда не красилась, и ради того, чтоб продать себя подороже, точно не начну. Заканчивай переживать, у твоей дочки все в порядке.

– Твой сосед, Кирилл, хороший парень, обходительный. Очень мне понравился. Выглядит статно. Квартира, машина, работа. Почему бы тебе не обратить свое внимание на него?

– Да, – закрыв глаза, я захихикала. Сенька бы сейчас упал от смеха. – Кирилл – жених завидный, только у него есть... мм... девушка!

– Жалко, – мама положила вязанье на подоконник и налила себе стакан воды. Её глаза внимательно изучали меня.

– Не надо меня сканировать, мам. Всё в порядке, честно. У меня вагон женихов на примете! Как только созрею для семейной жизни, сразу свистну, и они прискачут табуном. Знай успевай выбирать.

– Даже когда тебе очень плохо, ты никогда не рассказываешь мне. Кому угодно, только не маме. – Она обиженно надула губы и, взяв стакан с водой, села.

Глядя, как она пьет воду маленькими глотками, я медленно выдохнула. Мама, как всегда, была права.

– Просто я предпочитаю делиться только самым главным и важным. А личные переживания только наедине с самой собой. Уж прости.

– Как тебе тот молодой следователь? – от ее сверлящего взгляда мне становилось неуютно. – Он так теряется, когда тыходишь в комнату. Очевидно, что ты ему нравишься. Не упусти момент.

– Не заметила, – сказала я и, достав телефон, опустила глаза.

– Зато для меня всё очевидно. Он хорош собой, не женат.

– Не мой типаж.

– Сильный, надежный.

– Мам! Он мне не нравится! – Я встала, взяла сумку и перекинула через плечо. – Сегодня после школы придет Ксюша, повидается с папой, тебе поможет. Хочет почитать ему книжку. Если что-то понадобится, позвони мне, хорошо?

– Ты куда?

– Схожу на работу.

– Не дождешься обхода врачей?

– Нет, – я подошла, обняла ее за талию и поцеловала в щеку. – Мне пора.

– Не обижайся на меня. Я...

– Даже и не думала!

Проскальзывая в дверь, я махнула на прощанье рукой. Мама так и осталась стоять у подоконника, качая головой. Быстро маршируя по дороге из коридоров и бесконечных больничных палат, мне ужасно хотелось сдернуть сковывающий движения халат, сдать его обратно в гардероб и скорее выйти на воздух.

Я уже собиралась переходить дорогу, когда в кармане зазвонил телефон. В планах было посетить еще раз маму Маши Яковлевой и сходить в офис к Арсению, поговорить с его сослуживицей. День обещал быть насыщенным. Я энергично сказала:

– Да.

– Александра? – спросил высокий мужской голос.

– Да, слушаю вас.

– Это Артем, помните меня? Я работаю у Алексея Львовича.

– Разумеется.

Я остановилась на краю тротуара. Наступила пауза.

– Когда вы сможете к нам подъехать? – нетерпеливо поинтересовался собеседник.

– Эм... могу прямо сейчас.

– Подождите секунду, я уточню. Алексей Львович сейчас на пробежке.

В трубке раздался щелчок. Я огляделась. На улице было полно неспешно прогуливающих людей.

Сама не понимаю, каким образом мне удалось так быстро дойти пешком до Ульяновской. Этот район находился недалеко от центра, примерно на равном удалении от моего дома и от офиса Тимофеева. Большая часть домов представляла собой трехэтажные кирпичные постройки европейского типа. Ниже по дороге открывался красивый вид на реку. Множество уютных маленьких кафе и баров с прозрачными окнами в пол не нуждались в рекламе. Посетителей всегда было достаточно.

– Где вы сейчас? – после очередного щелчка поинтересовался Артем.

– На Ульяновской.

– Можете спуститься вниз до проспекта?

– Да, конечно.

– Ожидайте в ресторане «Старая пристань», шеф сейчас подъедет.

Уличное движение было интенсивным, вниз по пешеходной дорожке я добралась до проспекта за несколько минут. Через тридцать метров моему взору открылся небольшой ресторанчик с панорамным видом на реку. Обстановка его была выполнена в лучших купеческих традициях прошлого века. Интерьер поражал своим убранством. Минув роскошные залы и барную зону, я вышла к летней веранде.

Официант подал мне меню, пестревшее блюдами по исконно русским рецептам: борщ, уха, холодец, сибирские пельмени. Отложив его в сторону, я попросила чашку кофе. С этого ракурса не видно было стоянки возле ресторана. Пришлось встать и облокотиться о перила.

Влажный воздух с реки взметнул вверх мои волосы. Ждать долго не пришлось. Через минуту возле входа припарковался черный «Вольво». На заднем стекле отчетливо выделялся желтый знак «Инвалид».

Сердце приятно защемило.

10

Прищурившись, я смогла рассмотреть четкие очертания наклейки на заднем стекле автомобиля. Желтый кружок с четырьмя равноудаленными черными точками. Еще с уроков в автошколе я помнила, что это означает: транспортное средство, управляемое глухим водителем.

Трудно было представить, что значит ехать по оживленной улице в полной тишине. Сложно понять, как вообще можно жить в полной тишине. С раннего утра и до наступления ночи нас сопровождают звуки. Утренний шум машин, лай собак, пение птиц, голоса, шуршание метлы с улицы, ворчание дворника. Будильник, наконец. А ты еще даже ладом не открыл глаза.

И потом понеслась: журчание воды из-под крана, кипение, свист чайника на плите, новости по телевизору, книга, упавшая со стола, звонок мобильного телефона. И это только утром, пока ты один в своей квартире. Потом ты выходишь из дома, и твой мозг каждую секунду вынужден анализировать звуковые сигналы, доносящиеся со всех сторон. И есть в этом своя прелесть.

Я живу в своем мире, дорожу моментами тишины и одиночества, если меня еще и слуха лишит, пожалуй, это будет слишком. Так и свихнуться недолго. Интересно, с рождения ли Тимофеев глухой? Или потерял слух позже, в детстве? А вдруг он слышит, если говорить громче, или носит слуховой аппарат? Всё это было так далеко от меня, словно в другом мире. Но очень хотелось расспросить его об этом.

Было бы жутко неловко задать такие вопросы постороннему незнакомому человеку. К тому же такие вещи могут очень ранить. Взрослому красивому мужику наверняка неприятно осознавать свою слабость, видеть, что окружающие его жалеют.

Не стоит лишний раз напоминать ему об этом. И не стоит смотреть на него как на инопланетянина. Трудно скрывать жалость во взгляде, если это первое, что ты ощущаешь, глядя на человека с физическими недостатками. Даже если их не видно. Но в этом и состоит женская природа: пожалеть, приласкать, обогреть. Немало браков заключается на этой почве, ведь и среди мужчин немало тех, кому нужна мамка, которая будет за него все решать, заботиться, направлять, указывать.

Мои размышления прервал Алексей, поднявший стекла и вышедший из машины. Осмотрев автомобиль со всех сторон, он щелкнул брелком сигнализации, неотрывно глядя на фары. После того, как они моргнули, он довольно кивнул головой самому себе и легкой походкой зашагал к входу. На улице, тянувшейся вдоль ресторана, почти не было движения в этот час. Почти у самого края летней веранды, справа, причаливал небольшой пароходик с отдыхающими. Они отодвигали красные шторы на окнах, улыбались и махали руками. Встречающих не было видно, они просто радовались тому, что вернулись на берег.

Я заметила, как Алексей улыбнулся, глядя на них, и вошел в ресторан. Пароход причалил, и в двадцати метрах от меня хлынула людская река. Цветастые панамки, пестрые рубахи, модные очки, рюкзаки, сумочки, мамы с детишками, папаши с биноклями. Всё перемешалось. Солнце светило все жарче, и я поспешила вернуться за столик, над которым был натянут тент из светлого льняного полотна с непромокаемой пропиткой.

Выбрав такое положение, чтобы занавески, собранные в узел, создавали над моей головой тень, я удобнее устроилась в плетеном кресле. Мне еще не доводилось бывать в таких шикарных местах. И это была всего лишь летняя веранда. С черной плетеной мебелью, столешницами из стекла и цветами на каждом шагу.

От вида банкетного зала у меня кружилась голова, и, признаюсь, там, внутри, мне было бы неловко находиться. Давал о себе знать комплекс бедняка. Слово «ресторан» всегда меня пугало предстоящими тратами, поэтому я предпочитала скромные недорогие кафешки с низ-

косортным меню и убогим обслуживанием. А еще чаще просто избегала походов в подобные места, заменяя их вечером за книжкой или поездкой на природу.

Официант принес мне чашечку кофе.

Поблагодарив его, краем глаза я заметила, как Алексей преодолевает последние метры через зал в моем направлении. Пройдя мимо барной стойки, он вышел на веранду. Легкий ветерок заставил его обернуться в мою сторону. Приветственно махнув рукой, он приблизился, отодвинул плетеное кресло и сел. Казалось, подобные интерьеры были для него вполне естественными. Я же чувствовала себя не в своей тарелке.

Алексей выложил на стол свой телефон, планшет, бумажник, ручку и ключи от машины. Смутившись, он поспешил оправдаться:

– Не люблю таскать с собой сумки.

– Понятно, – улыбнулась я.

– Простите, не поздоровался. Здравствуйте!

– Добрый день, – растерянно пробормотала я, выпрямилась на стуле и протянула ему руку.

Он явно не собирался здороваться со мной за руку, но увидев сей жест тут же вскочил, легонько пожал ее и чуть не рухнул на пол мимо кресла, которое слишком далеко отодвинулось назад.

Крепко ухватившись, чтобы не упасть, рукой за край стола, он потянул вниз бамбуковую салфетку, лежавшую перед ним. Тотчас вниз полетели ручка и ключи от машины. Негромко ахнув, я быстро вскочила и удержала рукой бокал, принявшийся плясать по краю стола от движения стола.

Моё плетеное кресло, достаточно массивное, чтобы устоять на месте, от моего прыжка тоже пришло в движение и перевернулось. Содержимое сумочки, висевшей на нем, тут же оказалось на полу.

Убедившись, что бокал стоит ровно, я бросилась поднимать упавшее. Алексей последовал моему примеру. Неожиданно мы встретились взглядами и рассмеялись.

Оказалось, у него на левой щеке есть чудесная ямочка, которую видно только во время улыбки. Сев на свое место, он оперся на локти и провел ладонями по лицу. Продолжая беззвучно смеяться, он закрыл на секунду глаза, чтобы успокоиться:

– Видимо, я сегодня не выспался.

– Им следовало бы заменить мебель более устойчивой. – Закончив с сумкой, я повесила ее на спинку и заняла свое место.

Официант обернулся посмотреть, что стряслось. Помощь нам уже не требовалась. Он подал Тимофееву меню и остался стоять рядом со столиком, ожидая распоряжений.

Ситуация удачно разрядилась сама собой.

Когда я видела Алексея в первый раз, в его глазах была непоколебимая серьезность. Таким, как видела его сейчас, он мне нравился больше. Его смущение располагало к себе, улыбка обезоруживала.

– Если вы еще не завтракали, могу посоветовать вам несколько блюд, – сказал он, протягивая мне меню.

– Не представляю, что буду хлебать при вас борщ с утра пораньше, – задумчиво произнесла я, открыв первую страницу.

– Что вы, у них много других вариантов для завтрака. Не сказать, чтобы я часто здесь бывал, но пару раз точно. Хозяин заведения обращался ко мне с одним делом прошлым летом, я тогда только открыл агентство. В общем, наше сотрудничество положило начало добрым приятельским отношениям.

– Интересная у вас работа.

– Может, перейдем на «ты»? Не против? – Казалось, он был немного смущен тем, что люди одного возраста общаются излишне официально.

– Хорошо, – согласилась я, выглянув одними глазами из-за папки с меню, которую держала в руках. Он продолжал смотреть на меня вопросительно, словно ожидая ответа.

Его правая бровь приподнялась дугой над глазом. Я чуть не дала себе в лоб. Он же не видел моего рта и не мог прочитать по губам! Вот невежа! Стало ужасно стыдно. Я медленно опустила папку с меню на стол.

– Конечно. Давай перейдем на «ты».

– Отлично, – успокоился он. – Ты должна попробовать теплый салат с телячьей вырезкой. У них он особенно хорош.

– Если ты рекомендуешь, – задумчиво произнесла я.

Он кивнул головой и надиктовал заказ официанту.

– Может, ты хочешь мороженого? Или вина? Погода располагает.

– Спасибо, но я откажусь. Если каждый мой деловой завтрак будет начинаться с вина, хорошим это не кончится.

– Прости, – ему стало жутко неловко, – у них шикарные красные вина. Мне удалось побывать на дегустации в прошлом году, я тогда занимался сбором информации об одном человеке. Пришлось провести здесь целый день, чтобы узнать хоть что-нибудь. Короче, меня накормили, напоили, я чуть не провалил дело. Перебрал слегка, с непривычки. Теперь знаю, чем здесь можно удивить девушку, но удивлять пока никого не доводилось. Боже, что я несу...

– Есть что вспомнить, – я расплылась в улыбке. – Похоже, у тебя интересная работа.

– Не то чтобы я был доволен на все сто процентов, но жизнь сложилась так, что я рад тому, что вообще могу заниматься чем-то подобным.

– Мне всегда нравилось, что профессия сыщика наполнена романтикой и опасностью, – усмехнулась я, пригубив кофе.

– Это не совсем то, что ты себе представляешь. – Он расслабленно навалился на спинку кресла. – Всё достаточно банально. Мы ищем пропавших родственников, наводим справки, собираем информацию, например, в интересах бизнеса. Всё по мелочи. Единственное, за что не берусь, – это возвраты долгов. Скользкое направление. Еще нас часто просят проверить супружескую верность. Это я просто ненавижу. Для работы в этом направлении у меня есть специалист – сотрудник женского пола. Женщины, как правило, хорошо справляются с такими заданиями, и им это интересно, в отличие от меня.

– О, большинство женщин обожает истории, где замешаны чувства и интриги, – подтвердила я.

– Единственный минус, слабому полу трудно подходить хладнокровно в таком деле, приходится постоянно контролировать процесс. Как бы мне это не нравилось, именно за эту работу хорошо платят.

Мимо нас с шумом пронеслась целая орава ребятишек. Мой собеседник сначала никак не отреагировал, потому что они появились из-за его спины. Он просто не слышал шума. Но, видимо, почувствовав вибрации, производимые топотом их маленьких ножек, он повернулся на шум и улыбнулся. В общении с ним я почти начинала забывать, что он ничего не слышит, но такие моменты возвращали меня к мыслям о том, как наверняка ему не просто живется.

Детишки пару раз обогнули наш столик и побежали прочь, к лодке, стоявшей поодаль, с другого конца строения. Это было импровизацией в украшении интерьера – старое суденышко, освеженное сочетанием красок белого цвета и зеленого с мятным оттенком. На лодке был закреплен якорь, по бокам свисали спасательные круги. Мы проводили их взглядом и вернулись к разговору.

– А что с уголовными делами? – спросила я, постукивая ложечкой по краю блюдечка.

– Как бывший представитель закона, – он нервно почесал висок, – могу сказать, что здесь очень тонкая грань. Мы имеем право собирать доказательства, опрашивать очевидцев, разыскивать свидетелей, проверять алиби в сотрудничестве с адвокатом. Если мы станем путаться в ногах у следствия, можем лишиться лицензии.

– Ясно. Для меня это не утешительно.

– Я собрал для тебя кое-какие факты, как и обещал.

– Спасибо, давай тогда плавно перейдем к делу. Я ужасно переживаю за брата. Чувствуя, какая опасность нависла над ним, не могу спать и есть. Даже дышать не могу полноценно. Кажется, будто кто-то наступил мне на грудь, просто не хватает воздуха. Арсений всегда защищал меня, заботился, и мне просто не сидится на месте в такой ситуации.

– Понимаю тебя, – произнес он сочувственно и потянулся к планшету. – Тебе сейчас нужно быть сильной. Дело очень непростое, все улики против твоего брата. Но я тебе верю. Арсений наверняка стал жертвой того, что произошло в тот день. Думаю, многое прояснится после того, как он очнется.

– Надеюсь на это.

– Я был в его положении. В смысле, знаю, что такое лежать без сознания, переломанным, забинтованным, на грани жизни и смерти.

Я заметила, как по его коже пробежали мурашки. Это тема была болезненной для него. Он опустил глаза, включил планшет, стал искать нужную информацию. Чувствовалось, что он невольно напрягся, мышцы заиграли на его руках, уголки губ вытянулись в прямую линию.

Воспользовавшись моментом, я задержала свой взгляд на нем подольше. Мне хотелось лучше его разглядеть. Его светлые волосы, крепкие плечи, его по-настоящему мужскую фигуру. Немного пофантазировав, можно было увидеть через тонкую футболку его стальной пресс. Но что больше всего мне нравилось, это легкость, которую он дарил мне при общении с ним.

Алексей очень гармонично смотрелся в таком уютном ресторанчике, серьезный, деловой, вполне состоятельный и в меру ухоженный. Мне самой становилось уютнее рядом с ним. Сегодня он был совсем другим, нежели при нашей первой встрече. И таким он мне нравился еще больше. Нравилось, как он смотрит на мои губы, ловя каждое слово, и в конце фразы неизменно переводит взгляд на мои глаза. Есть в этом какая-то интимность момента.

Хотя что я себе уже успела нафантазировать! Мужчина встречается со мной исключительно по деловому вопросу, в людном месте, ничем не выказал заинтересованности во мне, не пытался флиртовать, а я уже всю раздеваю его глазами.

Неужели я успела превратиться в озабоченную хищницу? Как же ужасно действует на женщину внезапное освобождение из долгих несчастливых отношений! Так и охота на каждом шагу пуститься во все тяжкие. Но такой фокус прошел бы с самоуверенным типом вроде Донских. Но не с Тимофеевым, каждую секунду излучающим свет и спокойствие своими большими грустными глазами, черт их подери!

Мои размышления прервал озорной ветерок, который дунул на нас и игриво затрепал свисавшие с потолка льняные занавески. Солнышко тут же проникло под навес и осветило загорелую кожу моего собеседника. Вдруг, случайно увидев многочисленные мелкие шрамы на его груди, ключице, шее и бледные следы от швов чуть ниже линии роста волос, я едва не упала и тут же отвела глаза. Вероятно, он побывал в жестокой мясорубке однажды. Подавив желание задать миллион вопросов, я уставилась в экран планшета.

– Смотри, – хриплым голосом сказал Тимофеев, – труп был обнаружен соседом в 9 утра 21-го числа. По мнению специалиста, который делал заключение, смерть наступила в районе 20–22 часов вечера 20-го числа. Эти фотографии мне переслали вчера вечером, разумеется, по старой дружбе, никто не должен знать об этом.

– Конечно, – прошептала я.

От увиденного мои конечности моментально оледенели, тело перестало повиноваться и стало невесомым. Казалось, я проваливаюсь в обморок.

Мне не удалось оставаться невозмутимой. На фотографии было тело обнаженной молодой девушки, лежащей в умиротворенной позе. Глубоко вдохнув, я медленно прислонилась к спинке кресла.

– Можно принести воды? – громко крикнул Алексей в сторону официанта. – Я знал, что нельзя тебе показывать такое. Просто ты выглядишь такой сильной. Черт, ты так побледнела!

Схватив со стола бамбуковую салфетку, он сел возле меня на колени и принялся махать ею из стороны в сторону, создавая легкий ветерок.

– Уже все нормально, – я схватила за его руку, несколько раз вдохнула и выдохнула, – с речки достаточно дует, спасибо за заботу.

– У тебя ледяные руки. Что я за болван, вывалил перед тобой эти фото, никогда себе не прощу. Просто мысли сегодня путаются, все валится из рук. Прости меня, пожалуйста.

На него было забавно смотреть. Алексей ужасно переживал, метался и не знал, чем еще помочь. Продолжая держать его за руку, я чувствовала, как силы возвращаются. Официант принес стакан воды и протянул мне. В ту же секунду он отшатнулся от увиденного на экране планшета.

– Черт! – выругался Тимофеев и свободной рукой перевернул планшет, чтобы скрыть изображение от посторонних глаз.

– Ты кричишь, – облизнув сухие губы, выдавила я.

– Прости, – от сожаления он дал себе рукой в лоб, – мне трудно это контролировать, я ведь себя не слышу.

– Ничего, – я отпила из стакана и дрожащими руками передала их Алексею, – мне уже лучше.

Стакан казался тяжелым, словно пудовым. Я не могла его дольше удерживать.

Тимофеев поставил его на стол и снова присел возле меня. Он виновато смотрел в мои глаза и явно сердился на самого себя.

– Сама от себя не ожидала, правда.

– Представляю, – нервно усмехнулся он, – несколько дней на нервах. Но я все равно виноват.

– Нет, – смущенно произнесла я и осознала, что все еще держу его за руку. Меня обожгло огнем. Разогнув непослушные пальцы, я ослабила хватку. Он не спешил убирать свою руку, разглядывая мое бледное лицо.

Наконец, разомкнув наше ненарочное рукопожатие, он подвинул свое кресло, оказавшись теперь не напротив, а рядом со мной. Внезапно мне захотелось разреветься, показать свою слабость, ведь целую неделю я не давала выхода своим эмоциям.

Рядом со мной никогда не было сильного человека, способного утешить или взять на себя решение хотя бы части моих проблем. И только брат меня поддерживал, старался, как мог, распределяя свое внимание между мной, нашей мамой и дочкой. Оказавшись совсем одна в течение этих дней, я училась быть сильной, но, похоже, немного надорвалась.

Сегодня, на этой встрече с Тимофеевым было так спокойно и хорошо, что непременно нужно было все испортить этой сценой. Очень на меня похоже.

– Расскажи так, я послушаю, – всхлипнула я.

– Хорошо, – согласился он, но тут подоспел официант с подносом, на котором принес наши блюда.

После увиденного на фото окоченевшего трупа, начавшего синеть, с сухой кожей, испещренной следами от порезов с аккуратными, ровными краями, мне совсем не хотелось вкушать теплый салат с телятиной.

Отвернув голову, я беззвучно засмеялась. Прочитав мои мысли, Тимофеев хохотнул, заметно разрядив обстановку.

Когда официант удалился, улыбка исчезла с лица Алексея. Необходимо было вновь возвращаться к обсуждению дела.

– Её нашли лежащей у входа в спальню в одном пеньюаре. Смотри, я зарисовал расположение комнат.

И он снова потянулся к планшету. Меня передернуло.

Открыв файл простенького графического редактора, он повернул его экраном ко мне. На нем от руки, явно впопыхах, был изображен план квартиры Яковлевой. Дверь, коридор, слева ванная с туалетом, прямо спальня, справа кухня. Я узнала это помещение.

– Полагаю, крестик – это то место, где она лежала? – глотнув воды, поинтересовалась я.

Мне становилось жарко в вязаном свитере. Откинув волосы назад, я попыталась представить, как все могло произойти в той квартире тем вечером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.